

В. А. Томсинов

**Константин
Петрович
Победоносцев
(1827—1907)**

Опубликовано в издании:

Томсинов В. А.

Российские правоведы XVIII—XX веков:

Очерки жизни и творчества. В 2-х томах.

М.: Зерцало, 2007. Том 1. С. 348–415.

Константин Петрович Победоносцев

(1827—1907)

ЕМУ выпала редкая для государственного деятеля судьба — стать символом целой эпохи в истории своей страны. Причем эпохи **роковой** — определившей судьбы страны на все последующее столетие, а может быть, и **навсегда**. Такой эпохой были в российской истории последние два десятилетия XIX и начало XX века — годы с 1881-го по 1905-й, все царствование Александра III и ровно половина царствования Николая II. Сценарий русской трагедии, первым актом которой стало вступление России в войну с Германией, а важнейшим действием — февральско-октябрьская революция 1917 года, писался именно в эту эпоху. Тогда же впервые вышли на русскую политическую сцену и основные действующие силы русской трагедии.

В исторической и мемуарной литературе указанные годы в истории России обыкновенно называют периодом контрреформ, реакционной правительственной политики, а главным творцом и выразителем последней объявляется Константин Петрович Победоносцев. По словам П. Н. Милюкова, это был «сухой, упрямый фанатик, получивший недаром прозвище Торквемады», принципиальный враг всего, что напоминало свободу и демократию¹. В представлении Н. А. Бердяева, Победоносцев являлся искренним идеологом «нашего исторического нигилизма, нигилистического отношения русской официальной Церкви и государства к жизни»². Французский посол в России в 1914—1917 годах Морис Палеолог также называл Победоносцева «русским Торквемадой»³. «Выдающийся юрист, ученый богослов, фанатический поборник православия и самодержавия, Победоносцев вносил в защиту своих реак-

---

¹ *Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 57.

² *Бердяев Н. А.* Нигилизм на религиозной почве // Духовный кризис интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии (1907—1909). СПб., 1910. С. 201.

³ *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 119.

ционных взглядов пламенную веру, экзальтированный патриотизм, глубокую и непреложную убежденность, широкое образование, редкую силу диалектики, наконец, — что покажется противоречием, — совершенную простоту и великое обаяние манер и речи. Самодержавие, православие и народность — этими тремя словами резюмировалась вся его программа, и он преследовал проведение ее с чрезвычайной суровостью, с великолепным презрением мешавших ему явлений действительности. Как и следовало ожидать, он проклинал «новый дух», демократические принципы, западный атеизм»¹. В этих словах М. Палеолога выражены самые распространенные в тогдашнем русском образованном обществе характеристики К. П. Победоносцева.

Подобные характеристики всецело господствуют и в зарубежной исторической литературе. «Реакционный, мрачный, шовинистический, он помогал формировать русскую имперскую политику в такой степени, что трудно мыслить царистскую реакцию и нигилизм, не вызвав на ум имя Победоносцева»², — такое представление о русском государственном деятеле выразил американский историк М. Полнер (Murray Polner).

Несомненно, роль символа исторической эпохи для любого государственного деятеля почетна — редко кому она достается. Однако есть в этой роли и нечто глубоко трагичное. Тот, кто начинает играть ее, перестает восприниматься современниками в качестве *живого человека*. В его внешнем облике, повседневном образе жизни, в его трудах невольно усматривают проявления какой-нибудь общественной тенденции, знаки некоей социальной силы — одним словом: все что угодно, но только не свойства обыкновенной человеческой личности, всегда многоликой, разнообразной, сложносоставной. В. В. Розанов, внимательно, по собственному признанию, следивший за деятельностью и творчеством К. П. Победоносцева и относившийся к этому человеку с явной симпатией, свою поминальную статью о нем в сытинской газете «Русское слово» (13, 18, 27 марта 1907 г.) начал следующим образом: «Умер Победоносцев.

¹ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 349.

² «Reactionary, obscurantist, chauvinistic, he helped shape Imperial Russian policies, so much that it is difficult to think of tsarist reaction and nihilism without immediately calling to mind the name of Pobedonostsev» (Konstantin P. Pobedonostsev: Reflections of a Russian Statesman. With a new foreword by Murray Polner. The University of Michigan Press, 1965. P. V).

И с ним умерла целая система государственная, общественная, даже литературная; умерло замечательное, может быть самое замечательное, лицо русской истории XIX в.; сошел в могилу, «тихо скончавшись после продолжительной болезни», — как написано в его некрологах, — целый *исторический стиль* законченной и продолжительной эпохи»¹.

Еще при жизни Победоносцев сделался мифом, и этот миф, как густой туман, закрыл от его современников его необыкновенную личность. «Мое имя служит предметом пререкания и соблазна у всех так называемых общественных деятелей, читающих газеты, и в *кружках* черпающих свои представления о людях и делах. Многие ли знают меня? — с грустью вопрошал Константин Петрович своего друга С. А. Рачинского в 1884 году. — И доброе, и злое мне приписывается, и всякий оратор всякого кружка произносит мое имя с тем, что ему нравится или не нравится. Есть множество людей, совсем меня не знающих, коим стоит только намекнуть, что мое имя связано с тем или другим именем или направлением, чтоб они, не рассуждая, примкнули к противоположному».

Прошло столетие после смерти Победоносцева, однако он все еще остается для нас тайной. Впрочем, Константин Петрович во многом и сам повинен в том, что остался для своих современников и потомков великим незнакомцем. Как активный участник, а в ряде случаев и двигатель многих важных событий русской политической истории последней четверти XIX — начала XX века, он, казалось бы, просто обязан был написать мемуары, рассказать о своей жизни и людях, с которыми сталкивался, — но нет: ни мемуаров, ни сколько-нибудь подробной автобиографии он после себя не оставил.

Объясняя в 1893 году императору Александру III, почему он не писал мемуаров, хотя много интересного в своей жизни видел, Победоносцев ссылаясь на то, что не находил к тому ни времени, ни сил. «Днем занят, а к ночи такая усталость, что нет сил записывать о себе... Правда, в последние годы, особливо с 70-х годов, я был свидетелем, отчасти и участником, многих важных событий и мог бы многое интересное записать, но никогда не успевал это делать, притом, чем важнее события, тем труднее описывать их, а в

¹ Розанов В. В. К. П. Победоносцев // Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Литературные очерки о писателях и писательстве. М., 1996. С. 516.

последние годы прошлого и в первое время нового царствования все, что я видел, производило во мне такое сильное возбуждение, что не было бы силы с пером в руке вести какую-нибудь хронику. Это же возбуждение, при сердечной боли о многом, не позволяло мне передать **кому-либо** свои впечатления, конечно, кроме жены моей, которая одинаково со мною хранила их в душе глубоко»¹.

Вследствие такого отношения Победоносцева к собственным мемуарам и дневникам сохранилось слишком мало сведений об этом человеке, о событиях его личной жизни, о развитии его духа, о его душевных привязанностях.

В самом деле, что можем мы узнать о жизненном пути Победоносцева из его собственных признаний, разбросанных в его произведениях и письмах? «Родился я в Москве, в семье профессора Моск[овского] Университета. У отца моего было 11 человек детей, кои все устроены трудами отца»², — так начал Константин Петрович свое краткое жизнеописание в письме к Николаю II. Он мог бы добавить, что дед его — Василий Степанович (?—1805) — был священником: вместо этого отметил, что «воспитан в семье благочестивой, преданной царю и отечеству, трудолюбивой»³.

* * *

Отец Константина — Петр Васильевич Победоносцев (1771—1843) — получил образование в Славяно-греко-латинской академии. В мае 1797 года он вышел из духовного звания и поступил на должность учителя в гимназию при Московском университете. Первое время он преподавал здесь французский язык, затем — российское красноречие.

В 1807 году П. В. Победоносцев стал магистром философии и словесных наук. Тогда же он начал преподавать российскую словесность в Александровском институте благородных девиц. В 1811 году его избрали в действительные члены Общества любителей российской словесности при Императорском Московском универси-

¹ Письма К. П. Победоносцева к Александру III // Победоносцев К. П. Великая лож нашего времени. М., 1993. С. 611—612.

² Письмо К. П. Победоносцева к Николаю II // Победоносцев К. П. Великая лож нашего времени. С. 624.

³ Там же. Андрей Белый имел сведения о том, что далекие предки Победоносцева проживали в киргиз-кайсацкой орде и в 30-е годы XVIII в., в царствование императрицы Анны Иоанновны, поступили на русскую службу.

тете, а в марте следующего года назначили адъюнктом отделения словесных наук Московского университета. Перед вступлением французских войск в Москву университет и гимназия были эвакуированы в Нижний Новгород. Петр Васильевич осень и начало зимы 1812 года провел вместе с семьей в имении своего друга П. А. Шипова в селе Бельково Солигаличского уезда Костромской губернии. Возвратившись 11 декабря в Москву, он обнаружил, что его московский дом в Кудрино сгорел¹. Сгорели и здания Московского университета с его архивом, библиотекой и другими научными и культурными сокровищами, заботливо собиравшимися более полувека².

Занятия в университете возобновились 17 августа 1813 года в домах купцов Заикина и Яковлева, расположенных в Долгоруковском переулке между Тверской и Никитской улицами. 14 сентября 1814 года адъюнкт словесного отделения П. В. Победоносцев начал читать в университете лекции по риторике и поэтике³. 8 декабря 1826 года он стал экстраординарным профессором.

Некоторые студенты, слушавшие во время своей учебы в Московском университете лекции П. В. Победоносцева, изображали его впоследствии в своих воспоминаниях как человека злого и грубого. В этом образе он был представлен и в первом томе биографии В. Г. Белинского, написанной А. Н. Пыпиным⁴. Возражая против такого изображения П. В. Победоносцева, писатель И. А. Гончаров, учившийся на словесном отделении Московского университета в 1831—1834 годах (его сокурсником был поэт Михаил Лермонтов, оставивший университет после года обучения в нем), писал Пыпину 10 мая 1874 года: «Петр Васильевич Победоносцев не был ни грубоват, ни злопамятен, как у Вас выходит в биографии. Это был

¹ Свои злоключения и московское разорение осени—зимы 1812 года Петр Васильевич патетически описал в дневнике, отрывки из которого были опубликованы в 1895 г. См.: *Победоносцев П. В.* Из дневника 1812 и 1813 годов о Московском разорении // Русский архив. 1895. Кн. 1. С. 213—244.

² Главную вину за гибель в пожаре университетских сокровищ П. В. Победоносцев возлагал на экзекутора Московского университета Алексея Артемьева, который, по его словам, «имея при себе 14 человек», «ничего не сделал» для спасения их (*Победоносцев П. В.* Из дневника 1812 и 1813 годов о Московском разорении. С. 214).

³ «П[етр] В[асильевич] Победоносцев преподавал нам с соблюдением всех условий схоластики российскую риторiku и пиитику...», — написал в своих мемуарах Д. Н. Свербеев (*Свербеев Д. Н.* Из воспоминаний // Московский университет в воспоминаниях современников (1755—1917). М., 1989. С. 70).

⁴ *Пыпин А. Н.* Белинский, его жизнь и переписка. СПб., 1876. Т. 1. С. 62—67.

кроткий, благодушный человек, но старого века. Сам он страх как боялся начальства, чтил его беспрекословно, и когда, бывало, входил в аудиторию ректор Двигубский, такой же профессор, как и он, Победоносцев стоял перед ним, как солдат перед генералом, руки по швам, с робостью в голосе. И сам требовал себе почтения от студентов, как должного. Студенты отвечали профессорам сидя (тогда это стало уже входить), но он этого не терпел. И только тогда (помню даже имя студента Цвезинского) скажет: «Встань, братец, встань!» А обыкновенно он из *Вы* не выходил в обращениях к студентам¹. При этом Гончаров не скрывал ироничного отношения к лекциям профессора, которое проявлялось в его словах о том, что «на первом курсе, у Победоносцева, всех классиков ставили в одну шеренгу — с Гомера до Хераскова — и читали им нечто вроде литературного надгробного похвального слова»².

«Добрейшим стариком» называл Петра Васильевича историк М. П. Погодин³, который также слушал его лекции, а в сентябре 1823 года сдавал ему магистерский экзамен⁴. Литературные произведения П. В. Победоносцева показывают, что он был довольно сентиментален. Так, он писал в одном из первых своих произведений: «Завидуя чести сопровождающей завоевателей, и ослепляя блеском, их озаряющим, дух, склонный к кровопролитию... печалится тогда, когда мир возвращает отдохновение и тишину, когда убийственный меч падает из рук зверообразного честолюбия, и когда всеношное пламя перестает свирепствовать. Он дышит одной злобой, одним мщением, одним неистовством; в сии минуты едва ли кто узнать в нем человека может»⁵. Как натура чувствительная Петр Васильевич был склонен к стихотворчеству. Несколько своих поэтических произведений он опубликовал в 1796 году в первой части сборника «Плоды меланхолии, питательные для чувствительного сердца», который посвятил памяти первой своей супруги, умершей в молодости. Ряд собственных стихотворных опытов он включил в изданный им в 1816 году сборник «Цветник избранных стихотво-

¹ Письмо И. А. Гончарова к А. Н. Пыпину от 10 мая 1874 г. // Литературное наследство. М., 1950. Т. 56. С. 268.

² Там же. С. 267.

³ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. В 20-ти книгах. СПб., 1888. Кн. 1. С. 59.

⁴ Там же. С. 242.

⁵ Победоносцев П. В. Плоды меланхолии, питательные для чувствительного сердца. М., 1796. С. 131—132.

рений в пользу и удовольствие юношеского возраста». «Издатель осмелился поместить здесь и несколько своих безделок», — написал Петр Васильевич в предисловии к сборнику, но в тексте его не указал, какие именно стихи являются его «безделками».

Большую часть литературного творчества П. В. Победоносцева составляли переводы. Так, в 1799 году он опубликовал книги: «Истинное и ложное счастье. Славного Геллерта», «Новая наука наслаждаться жизнью. Поэма в 4-х песнях. Творение Уцца»; в 1802 году вышло в свет в его переводе с немецкого языка произведение «Старинный друг, возвратившийся из путешествия и рассказывающий все, что видел, слышал и чувствовал»; в 1815 году им были напечатаны «Избранные нравоучительные повести, удобные вливать в сердце чувство нравственной красоты», переведенные, как указывалось на титульной странице, «из лучших иностранных писателей»; в 1830 году он издал книгу «Направление ума и сердца к истине и добродетели».

Вторым браком П. В. Победоносцев был женат на Елене Левашевой (1787—1867), представительнице старинного дворянского рода, происходившего, по преданию, от немца Христофора Карла Дола, который в 20-е годы XIV века поступил на службу к псковскому князю Александру Михайловичу (в 1325—1327 гг. великому князю Тверскому). Его правнук — Александр Викулович — был тверским боярином и носил прозвище Лаваш. Его потомок — Федор Васильевич Левашев — в 1610 году занимал должность воеводы в Балахме, а в 1612 году был сподвижником князя Д. М. Пожарского.

В 1809 году у Петра и Елены Победоносцевых родился сын Александр¹, в 1810 году — дочь Варвара², приблизительно в 1814—

¹ Александр Петрович Победоносцев (1809—1900) учился на нравственном и политическом отделении Императорского Московского университета и в феврале 1829 года окончил его со степенью кандидата. Он дослужился до чина статского советника и дожил до глубокой старости. Он умер в 1900 г. и был похоронен на кладбище Крестовского монастыря в Калуге.

² Варвара Петровна Победоносцева (1810 — после 1880) воспитывалась в Московском училище ордена св. Екатерины, из которого была выпущена в 1828 году. Впоследствии жила в Москве. В 1830 г. в «Дамском журнале» было напечатано ее произведение «Верность дружбы и нежность любви» (Ч. 29. № 8) и переведенное ею с французского сочинение под названием: «Ветурия, мать Кориолана к Валерии» (Ч. 31. № 32). В 1833 г. она опубликовала в этом журнале такие переводные произведения, как «Женщины» (Ч. 42. № 16) и «Красноречие Гортензии» (там же. № 18). См.: *Мичатек Н. Победоносцева Варвара Петровна // Русский биографический словарь.* СПб., 1905. Т. 10. С. 141.

1815 году — сын Дмитрий¹, в 1816-м — Сергей², в 1819 году — дочь Елизавета³.

Константин был младшим ребенком в этой многодетной семье: он родился 21 мая 1827 года. Его матери в тот год исполнилось 40 лет, а отцу в момент его рождения шел 56-й год.

Дом Победоносцевых, где прошли детские годы Константина, находился в Хлебном переулке⁴, недалеко от церкви Симеона Столпника. Звон ее колоколов⁵ стал мелодией его детства. Эта небольшая, с шатровой колокольней, церковь каким-то чудом уцелела в катастрофических событиях XX столетия и стоит ныне в начале Нового Арбата, отображая своей неброской красотой вызывающее уродство его зданий⁶.

¹ Дмитрий Петрович Победоносцев умер в 1891 г. и был похоронен в Рязани на кладбище Спасского монастыря.

² Сергей Петрович Победоносцев (1816—1850) по окончании 1-го кадетского корпуса служил офицером саперного батальона в Царстве Польском. В 1842 г. был переведен в гражданскую службу на должность чиновника особых поручений к Казанскому генерал-губернатору. В 1844 г. он был в чине коллежского секретаря зачислен в штат Министерства государственных имуществ. Во время службы в Польше Сергей Победоносцев, хорошо изучив польский язык, стал заниматься переводами польских литераторов на русский язык и русских писателей на польский. Так, он опубликовал в одном из польских журналов переведенные им на польский язык несколько глав романа Лажечникова «Басурман». Впоследствии он переводил произведения писателя Генрика Сенкевича на русский язык и печатал их в русских изданиях. В 40-е годы Сергей Петрович опубликовал целый ряд собственных произведений в «Отечественных записках» Краевского. См.: *Алексеевский Б. Победоносцев Сергей Петрович // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 10. С. 143.*

³ Елизавета Петровна (урожденная Победоносцева) умерла в 1874 г. и была похоронена в Рязани на кладбище Спасского монастыря.

⁴ Дом Победоносцевых недавно был снесен. Он располагался недалеко от здания, где в настоящее время находится Институт США и Канады РАН. Его построили на месте сгоревшего осенью 1812 г. деревянного дома, который снимал в 1809 г. отец поэта Пушкина Сергей Львович Пушкин. С 1908 г. в нем жила семья историка Р. Ю. Виппера.

⁵ Эти колокола, снятые с церкви в 30-х гг. XX в. и утраченные навсегда, были отлиты мастером Федором Дмитриевичем Моториным (1630—1688) — основателем знаменитой династии русских литейщиков.

⁶ Главный престол храма — Введенский, освященный в честь Введения во Храм Пресвятой Богородицы, один из двух ее приделов был освящен сначала во имя Николая Чудотворца, а в 1759 г. переосвящен во имя Дмитрия Ростовского, другой придел был освящен во имя Симеона Столпника. Примечательно, что от прежнего внутреннего убранства храма сохранилась именно икона преподобного Симеона Столпника.

Церковь Симеона Столпника была построена в 1679 году на месте одноименной деревянной церкви. Окружавшая ее местность была территорией царской слободы: здесь селились мастера, которые обслуживали царский двор (в 1573 г. их было около 500): они и дали названия расположенным здесь переулкам: Столовый, Скатертный, Ножовый и Хлебный.

6 ноября 1801 года в этой церкви тайно повенчались граф Николай Шереметьев и знаменитая актриса крепостного театра Прасковья Жемчугова. В 1816 году здесь венчался писатель С. Т. Аксаков с дочерью суворовского генерала Ольгой Заплатиной. В последние годы своей жизни сюда приходил Николай Гоголь, проживавший в доме Толстых на Никитском бульваре. Священник церкви причащал его перед смертью в феврале 1852 года.

Победоносцевы всех своих детей воспитывали в возвышенно-религиозном духе, но особую заботу проявляли относительно младшего сына. Петр Васильевич мог уделить ему больше внимания, поскольку 21 декабря 1835 года ушел по собственному прошению в отставку со службы в университете.

Константин Петрович вспоминал впоследствии о своем детстве как о празднике. «Какую радость пробуждает в душе моей звон колокола к торжественной всеношной нынешнего дня! — писал он 5 апреля 1859 года. — Сколько светлых воспоминаний! Ребенку, только что вышедшему из колыбели, только что начинающему ходить, уже знаком, уже приятен вид вербы. Ее приносила ему в постель от заутрени старая няня, ею слегка ударяла по одеялу, приговаривая ласковые слова, ее потом отдавала ему, и, еще лежа в своей постельке, долго играл малютка гладкими красными прутьями, сдирая с них ароматную кору и любясь красивыми бархатными белыми барашками... Весеннее солнце глядит приветливо в окно; оно так и вызывает выпроситься с няней на гулянье под вербами, где так много детей и игрушек... Приходит вечер. Давно уже мальчик осаждал мать неотступными просьбами взять его в церковь, где, по ее же словам, всем так хорошо и весело, где все стоят с вербами и свечами, откуда все возвращаются, встретив Христа, с улыбкою и песнью... И вот, наконец, мать, после нескольких годов упорного отказа, решается взять с собою в церковь дитя свое, Боже мой — какая радость! Мама, когда же зажгут свечки? Спрашивает ребенок, и ждет не дождетя желанной минуты. Вот, наконец, пришла она! Мать сама зажгла ему свечку, налепила на вербу и дала ему в

руки, и стоит он первое время в каком-то смущении, но в то же время гордый тем, что и он, так же как и все большие, стоит со свечой, и сердце прыгает от волнения. “Молись”, шепчет ему мать, “Христос идет”. Таинственный трепет ожидания впервые нападает на душу, и точно кажется ребенку, что здесь Христос, о Котором так много говорила ему мать еще нынешним утром... И на другой год, едва подходит весна, он уже нетерпеливо спрашивает у матери: скоро ли вербы? скоро ли вербы? скоро ли вербы? скоро ли пойдем в церковь и зажжем опять свечки? Сладкий трепет чудесного! святое ожидание! Бессознательное чувство радости, обнимающей детскую душу! Знает ли еще вас душа человека, далеко оставившего за собою детство со всей бессознательностью чистых его впечатлений! Счастлив тот, на ком хоть отблеск этого детского чувства отражается поздней порою жизни в церковном празднике Вербного Воскресенья. Стану я в церкви, затеплю свечу свою, возьму в руки пушистую вербу: Боже, зажги святой огонь в душе моей, воскреси в ней юное чувство, как воскресла жизнь весною в моей молодой вербе!»¹ Очевидно, что Константин Петрович описывал здесь свои собственные детские впечатления, которые жили в нем всю его жизнь.

«Никогда так сильно не ощущаются в душе моей впечатления детства, никогда так явственно не переносится воображение в отдаленное, цветущее время моей молодости, — писал он 25 декабря 1856 года, — как в дни великих праздников Рождества Христова и святой Пасхи. Это праздники по преимуществу детские, и на них как будто исполняется сила слов Христовых: *аще не будете яко дети, не имате внити в царствие Божие*... Таков вечер пред Рождеством: вернулся я от всеношной и сижу дома в той же комнате, в которой прошло все мое детство; на том же месте, где стояла колыбель моя, потом моя детская постелька, — стоит теперь мое кресло перед письменным столом. Вот окно, у которого сижывала старуха няня и уговаривала ложиться спать, тогда как спать не хотелось, потому что в душе было волнение — ожидание чего-то радостного, чего-то торжественного на утро. То не было ожидание подарков — нет, — чуя-

¹ Победоносцев К. П. Праздники Господни // Победоносцев К. П. Сочинения. СПб., 1996. С. 242—243. Первым изданием это сочинение Победоносцева вышло в 1893 г. (Праздники Господни. СПб.: Типография А. Бенке, 1893) и до 1905 г. выдержало еще восемь изданий (одно — в 1894, три — в 1898, затем по одному — в 1900, 1902, 1903 и в 1905 гг.).

лось душе точно, что завтра будет день необыкновенный, светлый, радостный, и что-то великое совершаться будет. Бывало, ляжешь, а колокол разбудит тебя перед заутреней, и няня, вставшая, чтобы идти в церковь, опять должна уговаривать ребенка, чтоб заснул. Боже! это же ожидание детских дней ощущаю я в себе и теперь... Как все во мне тихо, как все во мне торжественно! Как все во мне дышит чувством прежних лет, — и с какою духовною алчностью ожидаю я торжественного утра. Это чувство — драгоценнейший дар неба, посылаемый среди мирского шума и суеты взрослым людям, чтоб они живо вспомнили то время, когда были детьми, следовательно были ближе к Богу и непосредственнее, чем когда-либо принимали от Него жизнь, свет, день, пищу, радость, любовь — и все, чем красен для человека мир Божий»¹.

* * *

Первоначальное образование Константин Победоносцев получил дома. Оно позволило ему в 1841 году поступить, минуя гимназию, в Императорское Училище правоведения, созданное по инициативе М. М. Сперанского и принца П. Г. Ольденбургского специально для подготовки молодых людей к гражданской службе «по части судебной».

Проекты учредительных документов для Училища разрабатывал М. М. Сперанский. 24 января 1835 года Михаил Михайлович представил императору Николаю I записку «Специальные училища»², в которой обосновал необходимость организации в России специального училища для подготовки молодых людей к судебной деятельности. «Для судей везде нужны способные и благовоспитанные делопроизводители, — писал он, — у нас они нужнее, нежели где-нибудь: ибо у нас нет и долго еще не будет ни ученых судей, ни ученых адвокатов. Судьи у нас, в нижних и средних местах³, избираются из дворян, большею частию военных, а в высших определяются из чинов, также военных и гражданских. И нет причины изменять сей порядок, если бы изменить его и было возможно. При добром делопроизводителе судья, избранный доверием сословия, с

¹ Победоносцев К. П. Праздники Господни // Победоносцев К. П. Сочинения. С. 224—225.

² Оригинал данной записки хранится в фонде 637 (архив К. Г. Репинского) отдела рукописей РНБ.

³ Так в оригинале.

здравым смыслом и чистою совестью, хотя и без технического знания, вообще может быть полезнее, нежели судья просто ученый. Но тот же избранный доверием судья, при худом производстве, будет прикрывать только собою его пристрастие или невежество. Университеты наши не могут доставить судебной части добрых делопроизводителей, во-первых, потому что там студенты учатся, а не воспитываются; во-вторых, потому что они, выходя и в военную и в другие роды службы, не были обязаны следовать определенному назначению; то же можно сказать и о лицах; воспитанники их, коих впрочем и число незначительно, расходятся по всем родам гражданской службы и редко служат по судебной части. Из сего видно, что учреждение специального училища для судебной части, в коем бы воспитанники теориею и практикою приготовлены были предпочтительно к прохождению сего рода службы, представляет неоспоримую пользу. Возражение, что сим уменьшится число учащихся в университете, не может быть уважительно, потому что число воспитанников сего училища, по самому составу его, полагается весьма ограниченным: каждый год из него может быть выпускаемо не более как от 20 до 25-ти человек».

Первый устав Училища правовередения был утвержден императором Николаем 29 мая 1835 года, а 5 декабря того же года состоялось официальное открытие данного учебного заведения. 27 мая 1838 года был принят новый, переработанный и дополненный Устав, подтвердивший и развивший основные принципы его внутренней организации и деятельности.

Устав Училища правовередения предписывал принимать в «сие заведение» воспитанников «только из сословия древнего потомственного Российского дворянства, внесенного в шестую часть родословной книги, также детей военных чинов не ниже полковника, а гражданских 5 класса или статского советника». Предполагалось, что выходцы из таких семей будут на государственной службе людьми достаточно независимыми и не станут порочить себя взыточничеством и другими бесчестными поступками. Отец Константина Победоносцева имел чин статского советника: он был присвоен ему при уходе в отставку в награду за многолетнюю и беспорочную службу.

Училище было учебным заведением закрытого типа. Для воспитанников устанавливалась особая форма одежды. Им предписывалось носить «мундир темно-зеленого цвета со светло-зеленым суконым воротником», с золочеными пуговицами с изображением

сенатского чекана, с «обшлагом и с черной выпушкой на воротнике». В самом Училище воспитанники должны были носить куртки такого же цвета, как мундир, с разрезным воротником без петлиц. Шинели воспитанников также имели темно-зеленый цвет и светло-зеленый суконный воротник.

На учебу в Училище правоведения принимались юноши в возрасте от 12 до 17 лет. Весь процесс обучения длился шесть лет (от шестого до первого класса) и разделялся на двухлетний младший и четырехлетний старший курсы.

Программа обучения в Училище сочетала дисциплины гимназии и университета. Она предполагала, что воспитанники, прошедшие весь процесс обучения, изучат гимназические предметы и получат университетский уровень юридического образования. Им надлежало изучить такие юридические науки, как энциклопедия права, история русского законодательства, римское право, государственное право, гражданское право и судопроизводство, уголовное право и судопроизводство, полицейское право, финансовое законодательство и др. На должности преподавателей этих наук приглашались профессора из Царскосельского (Александровского) лицея и из Санкт-Петербургского университета.

В период учебы в Училище правоведения Константина Победоносцева гражданское право читал здесь Александр Иванович Кранихфельд (1812—1881)¹, римское право² и латинскую словесность Василий (Вильгельм) Васильевич Шнейдер (1793—1872)³. Князь В. П. Мещерский, поступивший в Училище правоведения в 1850 и

¹ Лекции, которые профессор А. Кранихфельд читал в Императорском Училище правоведения в то время, когда здесь учился Константин Победоносцев, были напечатаны в 1843 г. в типографии 3-го отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. См.: *Кранихфельд А.* Начертание российского гражданского права в историческом его развитии: Составленное для Императорского училища правоведения. СПб., 1843.

² Победоносцев почему-то не любил этот предмет и не подготовился в полной мере к экзамену по нему. «Я отвечал из истории римского права о *реформах Юстиниана*, а из римского права о владении; вызвался по латыни, — записал он в своем дневнике под датой 13/20 мая 1844 г., — и это спасло меня, иначе бы срезался, а теперь лишь сказал несколько слов, мне уже поставили 12» (высший бал. — *В. Т.*). См.: *Победоносцев К. П.* Для немногих. Отрывки из школьного дневника 1842—1845 гг. СПб., 1885. С. 59.

³ В числе опубликованных работ В. В. Шнейдера можно назвать книгу «О значении римского права в отношении к новейшему праву», которая вышла в свет в Санкт-Петербурге в 1857 г.

окончивший его в 1857 году, вспоминал о профессоре Шнейдере: «Это был и симпатичный, и оригинальный тип, коего в теперешнее время смешно было бы найти и след. В нем жил дух римлянина золотого века Рима и в то же время жил человек со всеми оттенками благородства и деликатности, с одной стороны, и высокого образования — с другой... Хотя он был немец, но никогда никому из нас в голову не приходило на этого старика смотреть, как на немца: он все время в течение трех лет нам представлялся фантастическим римлянином»¹. Выпускник Училища правоведения 1863 года А. В. Михайлов писал, оценивая лекции профессора В. В. Шнейдера: «Известные общие начала права, юридический склад ума и привычка к юридическому мышлению остались у нас от его лекций»².

Параграфом 50 Устава 1838 года предусматривалось, что «воспитанники, кончившие курс в Училище, сообразно успехам, показанным ими как на последнем испытании, так и на двух предыдущих, удостоиваются Советом чинов 9, 10 и 12-го класса. Причем строго принимается в соображение поведение выпускаемого». Параграфы 51 и 52 устанавливали, что «отличившиеся по благонравию и успехам воспитанники 1-го класса при выпуске награждаются в публичном собрании золотыми и серебряными медалями. Сверх того, имя и фамилия наиболее отличившихся при выпуске воспитанников изображается золотыми буквами на выставленной в училище мраморной доске. В прочих классах воспитанники, отличившиеся доброю нравственностью и успехами, награждаются также при публичном акте книгами и похвальными листами, за подписанием председателя и членов Совета с приложением училищной печати».

Согласно параграфу 56 Устава 1838 года в числе наказаний допускалось сечение розгами нерадивых воспитанников трех младших классов. Правда, на практике это самое позорное наказание почти не применялось. Редкий случай его применения в 1842 году записал в своем дневнике Константин Победоносцев. «30 октября. В VI классе Пьянова высекли за то, что он подменил балл. Это еще первая в нынешнем году экзекуция»³.

30 сентября 1843 года умер Петр Васильевич Победоносцев. Константин лишился не только отца и наставника, но и поводыря по первым, самым трудным, ступеням чиновной карьеры. Елена

¹ *Мещерский В. П.* Мои воспоминания. М., 2003. С. 37.

² *Михайлов А. А.* Из прошлого // Русская школа. 1900. № 1. С. 22.

³ Там же. С. 7.

Победоносцева, похоронив мужа, старалась заменить его в этой роли. В письмах к добрым знакомым Петра Васильевича она пыталась найти у них покровительство для младшего сына. «Прошу Вас, многоуважаемый Константин Степанович, по доброте вашего сердца, — обращалась она к директору канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода Сербиновичу¹, — сохранить память к покойному добрым расположением к сыну его... Дай Бог, чтобы Костя во всем подражал своему отцу, который прожил 73 года, оставил своим детям доброе имя, как по службе, так и между знакомыми, и трудился до последнего дня своей жизни».

Выпускники Училища правоведения отличались от студентов, окончивших университеты, не только своей аристократичностью, но и братством, которое хранилось ими всю последующую жизнь. Девизом этого правоведческого братства была строка из стихотворения Горация: «*Quidquid agis prudenter agas et respice finem* (что бы ты ни делал, делай это разумно и не упуская из виду цель». Позднее к этому девизу добавили еще один: «Честно жить, никого не обижать, каждому воздавать свое». Вместе с Константином Победоносцевым Училище закончили в 1846 году: князь И. Г. Бебутов, И. А. Веловзор, барон А. Э. Венкштерн, барон Е. Е. Врангель, Н. Б. Керстен, В. Г. и Н. Г. Коробьины, А. И. Котляревский, М. И. Ласковский, О. Г. Лерхе, барон Э. А. Майдель, князь А. В. Оболенский, В. И. Пейкер, И. Г. Полянский, М. Н. Попов, барон В. Ф. Раден, А. А. Сальваторий, Н. А. Слепцов, А. В. Тарасенков, Н. А. Тимрот, И. П. Уланов, бароны В. Ф. и Ф. Ф. Штакельберги, Д. А. Энгельгардт.

15 июня 1846 года окончивший Училище правоведения титулярный советник Константин Петрович Победоносцев был определен в канцелярию 8-го (московского) департамента Правительствующего сената. В этом департаменте решались судебные споры по гражданским делам, поступавшие из губерний, прилегавших к Москве.

В дневнике, который Константин Победоносцев вел в августе — сентябре 1846 года, он записал: «Приезд в Москву и поступление на службу. Знакомство с Зубковым...» Мать Василия Петрови-

---

¹ С 1833 по 1856 г. Константин Степанович Сербинович (1807—1874) одновременно редактировал «Журнал Министерства народного просвещения» и был знаком со многими влиятельными сановниками, которые могли бы помочь молодому чиновнику занять перспективное место в государственном управлении.

ча Зубкова — Наталья Петровна — была урожденной Евреиновой¹. С этой семьей Победоносцевых связывали дружеские отношения, Константин был «своим человеком» в их доме. В 1846 году Зубков являлся начальником канцелярии 8-го департамента Сената и стал первым покровителем молодого чиновника.

12 июля 1846 года Константин Победоносцев был назначен исправляющим должность помощника секретаря, 19 ноября он занял место младшего секретаря. 28 марта 1847 года его сделали исправляющим должность секретаря, а 15 мая — секретарем. Эту должность многие молодые чиновники ждали годами.

1 марта 1848 года Константин Победоносцев был перемещен на ту же должность в 7-й (московский) департамент Сената, 22 марта он стал исправляющим должность обер-секретаря. 12 августа его причислили к Министерству юстиции, а 15 сентября 1848 года назначили исправляющим должность обер-секретаря 8-го департамента Сената: чиновник, занявший эту должность, становился довольно влиятельным и заметным человеком.

23 декабря 1849 года Победоносцев был возведен в чин коллежского асессора, а ровно три года спустя — в чин надворного советника.

«В 40-х годах Зубков считался одним из просвещенных людей», поэтому «общение с таким человеком по службе не могло не быть благодетельным для молодых людей»², — писал позднее Константин Петрович. В январе 1821 года В. П. Зубков посетил Париж, где «ознакомился с судом присяжных, о котором тогда в России еще и говорить запрещалось»³. После военного мятежа 14 декабря 1825 года Василий Петрович оказался на короткое время под арестом в Петропавловской крепости как человек, подозревавшийся в причастности к нему. Этот эпизод в его биографии не помешал, однако, его служебной карьере⁴.

Дом Зубкова в одном из переулков Смоленского рынка в Москве был хорошо знаком светскому обществу: «здесь на танцеваль-

¹ См.: Записки Василия Петровича Зубкова о заключении в Петропавловской крепости по делу 14 декабря 1825 года / Предисловие и примечания Б. Л. Модзалевского. СПб., 1906. С. 1—2.

² *Победоносцев К. П.* Московские воспоминания. В. П. Зубков. М., 1904. С. 10—11.

³ Там же. С. 4.

⁴ Он умер сенатором в 1862 г. «Скончался мой друг В. П. Зубков», — записал Константин Победоносцев в своем дневнике 12 апреля указанного года.

ных вечерах можно было увидеть всех московских красавиц того времени»¹. У Василия Петровича была хорошая библиотека, в его доме нередко собирались на беседы молодые люди. Константин Петрович посещал и танцевальные вечера, и интеллектуальные беседы.

В конце декабря 1852 года Победоносцеву было поручено орденом обер-прокурора проверить протоколы 8-го департамента Сената и взять под постоянное наблюдение журналы его заседаний. 24 марта 1853 года он был назначен «заведующим одним из секретариатов за болезнью обер-секретаря»², а 29 апреля того же года стал исправляющим должность обер-секретаря Общего собрания московских департаментов Сената³. 25 декабря 1854 года ему был присвоен чин коллежского советника.

21 августа 1856 года Константину Победоносцеву была поручена «проверка корректурных экземпляров высочайших приказов»⁴, печатавшихся в московской сенатской типографии во время пребывания в Москве по случаю коронации императора Александра II. 27 мая 1858 года Победоносцев был утвержден в должности обер-секретаря Общего собрания московских департаментов Сената. 25 декабря того же года он был возведен в чин статского советника.

Скорее всего уже в самом начале своей канцелярской деятельности Победоносцев, в процессе исполнения обязанностей по своим должностям, стал изучать юридические документы с целью написания научных работ по русскому праву. В 1858 году в журнале «Русский вестник» была напечатана его довольно обширная по объему статья «Заметки для истории крепостного права в России»⁵, в журнале «Атеней» — рецензия на книги Д. И. Мейера «Очерк русского вексельного права» и «Чтения о русском гражданском праве»⁶.

¹ Победоносцев К. П. Московские воспоминания. В. П. Зубков. С. 25.

² РГИА. Фонд 797. Оп. 64. Д. 28 (Формулярный список 1898 г.). Л. 3 об.

³ Там же. Л. 4 об.

⁴ Там же. Л. 5 об.

⁵ См.: Русский вестник: Журнал литературный и политический, издаваемый М. Катковым. М., 1858. Т. 15. Июнь. Кн. 1. С. 209—248; Кн. 2. С. 459—498; Т. 16. Август. Кн. 2. С. 537—582.

⁶ К. П. [Победоносцев К. П.] Теория и практика: По поводу сочинений профессора Мейера: Очерк русского вексельного права. Казань, 1857, и Чтения о русском гражданском праве. Выпуск I. Казань, 1858 // Атеней: Журнал критики, современной истории и литературы, издаваемый под ред. Е. Корша. М., 1858. Ч. 6. С. 306—326.

Целую серию статей по истории русского права Победоносцев опубликовал в 1859 году¹.

Во всяком случае, к концу 50-х годов он был известным в Москве знатоком российского законодательства. Поэтому когда в декабре 1858 года юридическому факультету Императорского Московского университета потребовался преподаватель гражданского права и судопроизводства (в связи с тем, что исправлявший должность адъюнкта по кафедре гражданских законов В. Н. Никольский отправлялся в заграничную командировку), то попечитель Московского учебного округа Алексей Николаевич Бахметьев пригласил принять «звание стороннего преподавателя русского гражд[анско-го] права на время командировки адъюнкта Никольского» К. П. Победоносцева². Константин Петрович дал согласие, и 4 марта 1859 года он был утвержден министром народного просвещения в этом звании.

В 1859 году Победоносцев защитил магистерскую диссертацию «К реформе гражданского судопроизводства» и в следующем году стал исправляющим должность экстраординарного профессора юридического факультета по кафедре законов гражданских и гражданского судопроизводства.

Читая по семь часов в неделю в Московском университете лекции по гражданскому праву и курсу гражданского судопроизводства³, Победоносцев одновременно продолжал работать в 8-м департаменте Правительствующего сената. 19 ноября 1860 года ему было поручено министром народного просвещения Е. П. Ковалев-

¹ *Победоносцев К. П.* Критика на сочинение М. М. Михайлова о Русском гражданском судопроизводстве до издания Свода Законов 1832 г. // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. СПб., 1859. Кн. 1 (с приложением). С. 1—62; *его же.* Обзорение современного русского законодательства. XXXI том Полного Собрания Законов Российской Империи // Русская беседа. М., 1859. Кн. 4 (16). С. 1—12; *его же.* О реформах в гражданском судопроизводстве // Русский вестник. М., 1859. Т. 21. Июнь. Кн. 2. С. 541—581; Т. 22. Июль. Кн. 1. С. 5—34; Кн. 2. С. 153—190 и др.

² См.: РГИА. Фонд 1574. Оп. 2. Д. 1. Л. 16. А также: ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 34. Д. 195. Л. 1.

³ Согласно распределению предметов преподавания в 1860/61 академическом году, которое было утверждено в заседании юридического факультета Московского университета, гражданское право читалось по три часа в неделю на 3-м курсе, предмет «гражданское право и судопроизводство» преподавался по четыре часа в неделю студентам 4-го курса. См.: ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 463. Д. 18. Л. 77 об.—78.

ским разработать проект преобразования «морской судебной части» для Морского министерства. «Я желал бы, чтоб вы приняли в этом полезном деле преимущественное участие»¹, — писал Евграф Петрович Победоносцев.

2 июля 1861 года Константин Петрович получил из главного управления Министерства юстиции распоряжение «о командировании для участия в составлении проекта нового судопроизводства России»². 17 сентября 1861 года в газете «Наше время» (№ 30) было опубликовано сообщение о том, что в комиссию по судебной реформе приглашены Д. А. Ровинский, Н. А. Буцковский и К. П. Победоносцев как приславшие «лучшие проекты». 8 ноября того же года Константин Петрович был откомандирован в Санкт-Петербург «в распоряжение государственного секретаря для временных работ по устройству и преобразованию судебной части»³.

Первые же заседания «Комиссии о судебных уставах» глубоко его разочаровали. В 1862 году он записал в дневнике: «Вхожу in medias res Петербургского канцелярского формализма и либерализма. Отовсюду веет либерализмом и пошлостью: убеждаюсь, что не боги обжигают эти горшки и ужасаюсь всеобщего либерального легкомыслия»⁴. Побывав 2 мая 1862 года на заседании Соединенных департаментов Государственного совета по вопросу преобразования судопроизводства, Победоносцев занес в свой дневник следующее замечание: «Жалко подумать — каким скудным запасом сведений обладают самые деятельные из членов: одностороннее отношение к предмету, поверхностные взгляды: ни один вопрос глубоко не обсуждается. Так, напр[имер], никто не умеет объяснить идею кассации и отличить ее от апелляции»⁵. «Бледность знаний и юрид[ических] идей поразительная, — записывал Константин Петрович в свой дневник после еще одного заседания «Комиссии о судебных уставах». — Бедная Россия! И вот кто тебя преобразовывает»⁶. Вывод, который он делал из своих наблюдений за работой высших государственных сановников, сближал его со славянофилами. «В од-

¹ РГИА. Фонд 1574. Оп. 2. Д. 1. Л. 20об.

² Там же. Д. 28. Л. 6 об.

³ Там же.

⁴ Дневники К. П. Победоносцева (1846—1893) // РГИА. Фонд 1574 (К. П. Победоносцев). Оп. 1. Ед. хр. 2 б. Л. 7.

⁵ Дневники К. П. Победоносцева (1862—1866) // РГИА. Фонд 1574 (К. П. Победоносцев). Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 12.

⁶ Там же. Л. 41об.

ном народе чутся сила мысли и действия, — заявлял он. — А наверху, в правительстве — страшно и подумать, что делается. **Безумные и мальчишки нами правят — в их руках благо и честь России!**¹ (выделено мною. — В. Т.).

А. Э. Нольде, специально исследовавший вопрос об участии Победоносцева в комиссии по судебной реформе, считал несомненным, что он «имел влияние в комиссии, к нему не могли не прислушиваться ввиду его начитанности, ввиду его умения находить для своих мыслей своеобразное выражение, ввиду большого знания жизненной практики»². Содержание многочисленных записок Победоносцева по различным проблемам судебной реформы показывает, что среди членов комиссии он был одним из наиболее подготовленных к роли разработчика и критика законопроектов в этой области. Многие из этих записок были опубликованы в многотомном издании «Материалов по судебной реформе в России 1864 года»³.

¹ Дневники К. П. Победоносцева (1862—1866) // РГИА. Фонд 1574 (К. П. Победоносцев). Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 41.

² Нольде А. Э. Победоносцев и судебная реформа. Пг., 1915. С. 13.

³ См., например: *Победоносцев К. П.* Предварительные замечания о плане и о главных основаниях Устава о судоустройстве // Материалы по судебной реформе в России 1864 года. Т. 17: Соображения разных лиц о преобразовании судебной части (1861—1862). [СПб., 1862]; *его же*. Записка о гражданском судопроизводстве // Там же. Т. 26: Замечания о развитии основных положений преобразования судебной части. Ч. 6 (1861—1863). СПб., 1863; *его же*. По проекту 2-ой книги [Устава гражданского судопроизводства]: О тяжущихся сторонах и о праве искать и отвечать на суде (Разд. 1, гл. 1—2) / Редактор К. Победоносцев // Там же. Т. 45: Работы редакторов по проекту Устава гражданского судопроизводства (Октябрь 1862 г. — октябрь 1863 г.). Ч. 2. [СПб., 1864]; *его же*. По проекту 3-й книги [Устава гражданского судопроизводства]: О предварительном исполнении решений (Гл. 1) / Редактор К. Победоносцев // Там же; *его же*. По проекту 4-й книги [Устава гражданского судопроизводства]: Исполнительное производство по расчетам об убытках, издержках и доходах (Разд. 2) с объяснительной запиской редактора / Редактор К. Победоносцев // Там же; *его же*. По проекту 6-й книги [Устава гражданского судопроизводства]: О жалобах на действия должностных лиц административного ведомства (Разд. 1, гл. 1) / Исследования К. Победоносцева (17 марта 1864 г.) // Там же; *его же*. Разногласия, последовавшие в Гражданском отделении Комиссии при обсуждении проекта второй книги Устава гражданского судопроизводства. О присяге тяжущегося (ст. 304). Возражение К. Победоносцева // Там же. Т. 46: Работы Гражданского отделения Комиссии по проекту Устава гражданского судопроизводства. Ч. 1, кн. 1—5 (30 ноября 1862 г. — 24 октября 1863 г.). [СПб., 1864]. С. 76—87; *его же*. Разногласия, последовавшие в Гражданском отделении Комиссии при обсуждении проекта второй книги Устава гражданского судопроизвод-

В записке «О гражданском судопроизводстве», которую Победоносцев представил в декабре 1861 года в комиссию по составлению судебных уставов, он подверг критике ряд предложений составителей проекта нового устава гражданского судопроизводства.

Главным недостатком действовавшего в то время в России гражданского процесса Победоносцев считал пронизывавший его до основания бездушный формализм, затруднявший рассмотрение дел и препятствовавший правильному их разрешению. Мертвые формы судебного процесса отвращали, по его мнению, от судебной деятельности молодые и свежие силы. А между тем потребность в создании постоянного сословия судебных деятелей в России ощущалась острее, чем где-либо. «Ни в судебных местах, ни в среде судебных лиц, — отмечал Победоносцев в своей записке, — мы не имеем у себя хранилища судебных обычаев и судебной доктрины, не находим судебных авторитетов для руководства и указания и той внутренней дисциплины, которая развиваясь в пределах сословия, придает прочность знанию, основательность мнению, обсуждению порядок и, воспитывая вновь вступающих, образует из них самым делом, не работников только, но живых деятелей и учителей»¹.

В настоящее же время в России лица, от имени которых исходит судебный приговор, находятся, указывал Победоносцев, в руках полуобразованных приказных и чиновников канцелярии; тяжущих сторон они не видят и не слышат и смотрят на решаемое ими дело через бумагу. Поэтому он возражал против плана разделения судопроизводства на общий порядок и сокращенный. Первый, в том виде как он был задуман и отчасти был осуществлен в действующем законодательстве, отдавал преимущество письменной форме судебного процесса, ослабляя значение словесного состяза-

---

ства. О доказательной силе осмотра на месте (ст. 329) и о предъявлении письменного или словесного заключения сведущих людей и о их присяге (ст. 348). Мнение К. Победоносцева // Там же. С. 89—91; *его же*. Разногласия, последовавшие в Гражданском отделении Комиссии при обсуждении проекта третьей книги Устава гражданского судопроизводства. О случаях, в коих допускается кассация решений судебных палат (ст. 86 проекта). Мнение К. Победоносцева // Там же. С. 14—22; *его же*. Разногласия, последовавшие в Гражданском отделении Комиссии при обсуждении проекта третьей книги Устава гражданского судопроизводства. О разрешении Сенатом прошений об отмене решений, без отсылки дела в судебную палату (ст. 117 проекта). Мнение К. Победоносцева // Там же. С. 27—32 и др.

¹ Цит. по: *Нольде А. Э.* Обзор научной юридической деятельности К. П. Победоносцева. (Некролог) // ЖМНП. 1907. № 8. Отд. 4. С. 89.

ния. Сокращенный же порядок сводил процесс к словесным объяснениям и совершенно устранял письменные формы. По мнению Победоносцева, желательная цель судебной реформы могла быть достигнута только при условии, если центром судебного процесса было бы признано словесное объяснение, которому предшествовала бы письменная подготовка. Словесное состязание в судебном процессе должно происходить, считал Победоносцев, в живой речи, а не сводиться к прочтению записок. Все разбирательство и, в конечном итоге, вынесение решения должно основываться на тех данных, которые стороны приводят в суде. Для апелляционного производства он полагал возможным смягчить требование обязательной явки сторон на судебное заседание.

Оценивая записку Победоносцева «О гражданском судопроизводстве», А. Э. Нольде отметил, что она «свидетельствует об очень отчетливом представлении автора ее как о недостатках существовавшего в его время *порядка* процесса, так и о коренной постановке желательного»¹.

1861 год принес Победоносцеву еще одно назначение, которое, как он признал впоследствии, решило его судьбу «роковым образом», — ему было предложено преподавать юридические науки наследнику престола великому князю Николаю Александровичу. В течение двух лет Константин Петрович читал цесаревичу лекции по законоведению, русскому государственному праву и гражданскому праву².

Князь В. П. Мещерский, познакомившийся с Победоносцевым в 1863 году, писал о нем в своих воспоминаниях: «Он произвел на меня очень симпатичное впечатление своим оригинальным костическим умом, постоянно сливавшимся с добродушием и веселостью, своею простотою и увлекательною речью и начитанностью. То были дни прекрасной весны его политической жизни. Призванный учить Цесаревича Николая Александровича, он всею душою отдавался этому делу, ибо находил в своем Ученике такую благодарную и богатую почву для прививания к Его молодой душе мыс-

¹ Нольде А. Э. Обзор научной юридической деятельности К. П. Победоносцева. (Некролог) // ЖМНП. 1907. № 8. Отд. 4. С. 91.

² См.: Победоносцев К. П. Лекции по русскому государственному праву, читанные цесаревичу Николаю Александровичу и великому князю Александру // ГАРФ. Фонд 728. Оп. 1. Кн. 6. Ед. хр. 3132. Ч. 15. 82 л.; *его же*. Лекции по гражданскому праву, читанные в 1862 г. цесаревичу Николаю Александровичу // ГАРФ. Фонд 728. Оп. 1. Кн. 6. Ед. хр. 2725. 206 л.

лей и знания. Этим наслаждением от отзывчивости и даровитости Цесаревича наполнилась жизнь К. П. Победоносцева в то время, и оно давало ему столько светлого, столько доброжелательного, столько свежего и бодрого в мыслях и в проявлении чувств»¹.

Весной 1862 года Победоносцев возвратился в Москву и возобновил преподавательскую деятельность в Московском университете. Поскольку В. Н. Никольский уже прибыл из-за границы и преподавал курс гражданского права, он стал читать лекции только по гражданскому судопроизводству.

В отделе рукописей Российской Национальной библиотеки сохранился рукописный экземпляр лекций Победоносцева по этому курсу, которые он читал на юридическом факультете Московского университета с 15 января по 21 марта 1863 года. Как верно подметил А. Э. Нольде, «читался этот курс как раз в самую переходную эпоху от прежнего порядка к новому, когда уже было видно, что старому процессу долго не существовать, а новый находился еще в виде неокончательно отделанного проекта. Поэтому лектор был стеснен в выборе материала и стоял перед очень трудной задачей»². Победоносцев нашел удачный вариант лекционного курса: он посвятил его, главным образом, изложению начал «нового» процесса, существовавшего в то время в западноевропейских странах. Старый судебный процесс, который еще действовал тогда в России, он описывал кратко и с объяснением всех его недостатков.

«Прекрасный курс гражданского судопроизводства, ясный, сжатый, точный и поучительный читал нам тогдашний Обер-прокурор восьмого департамента Сената — Константин Петрович Победоносцев»³, — писал в своих воспоминаниях А. Ф. Кони. Он отмечал, что лекции Победоносцева были очень содержательными, хотя и довольно отвлеченными, теоретичными. По его словам, «это, впрочем, объяснялось тем, что лекции читались на распутье между старым и новым порядком, который установила реформа 1864 г. В них так же, как это ни странно, было полное отсутствие критического элемента и того скептицизма, к которому так был склонен Победоносцев в своей дальнейшей деятельности. Победоносцев говорил очень однотонно, бесцветно-глухим и каким-то совершенно

¹ Мещерский В. П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 164—165.

² Нольде А. Э. Обзор научной юридической деятельности К. П. Победоносцева. С. 91.

³ Кони А. Ф. Собрание сочинений в восьми томах. М., 1969. Т. 7. С. 99—100.

равнодушным голосом, точно исполнял надоевшую обязанность. Это также поражало меня впоследствии, когда мне приходилось слышать в разных комиссиях и в Государственном совете его сильное, своеобразно-красноречивое слово, которое приковывало к себе общее внимание. Над кафедрой возвышалась фигура с бледным, худым... лицом... Победоносцев, предшествуемый литературною известностью и славой опытного цивилиста, внушал нам уважение, но не оживлял нас и оставлял равнодушным к своему предмету»¹.

18 сентября 1862 года Победоносцев был назначен обер-прокурором 2-го отделения 6-го департамента Сената. Летом 1863 года он сопровождал своего ученика — цесаревича Николая Александровича в путешествии по России. 24 сентября того же года его назначили обер-прокурором 8-го департамента Сената и возвели в чин действительного статского советника, соответствовавший воинскому званию генерал-майора. Осень 1863 года и весь следующий год Константин Петрович провел в Москве — в трудах и раздумьях.

«Живу я — так тихо и однообразно, что, если б вы могли видеть, вас из вашей суеты вдвое сильнее потянуло бы в покой московской. Утром — работа в сенате, вечером — работа дома, но кроме работы и книги — и кое-когда живые люди. Время не идет, а бежит...», — сообщал он в ноябре 1864 года А. Ф. Тютчевой.

После слов о себе Победоносцев описывал Анне Федоровне свои впечатления о происходившем вокруг: «Отчего это совсем людей нет? Отчего все кажется так мелки, ни в ком не слышится силы, не за кого ухватиться — есть только через кого получать награды и казенные деньги и разные степени власти! Отчего самая власть так потеряла свои громадные размеры и с каждым днем все мельчает и мельчает? Или — для современника великих людей не бывает? Когда б вы знали, как мне хочется иногда встретить и поглядеть великого человека, человека с силой, с кем бы слиться, с кем бы вместе поработать крепкую работу! Нет — нет — всю[ду] видишь только блеск казенной позолоты костюма, всюду слышишь звон — казенных денег. Или пришло на нас по воле Божией такое время, когда, говорят, великие дела сами собою делаются. Не знаю-не знаю, но мне часто делается страшно — что еще придется видеть и пережить. Испытали ли вы это чувство — за себя и за других! Человек живет не так, как надо, слабеет, малодушествует, забывается, лжет сам

¹ Кони А. Ф. Собрание сочинений в восьми томах. М., 1966. Т. 2. С. 233—234.

себе, то есть говорит одно, а делает другое — и, веруя в любовь Божию, знает, что ждет его наказание, то есть явится событие, которое — вопреки ему — покажет ему правду, болью и печалью восстановит в нем равновесие сил, встряхнет его не в мысли только, не в чувстве и фантазии, а в самом корне жизни, правдою Божией. Так иногда страшно делается за будущее, когда видишь в настоящем признаки разложения и слабости, и неправды. Людей нет крепких, которые служили бы представителями идеи, но видишь, как в недостатке людей и идей проникают в массу и бессознательно прививаются к ней разные мнения и борются одно с другим тайною борьбой, причем ни одно из них не принимает определенной формы, ни в одном из них, при всем упорстве, даже при ожесточении, не слышно той глубокой веры в идею, которая созидает и перерабатывает. Но эта борьба, глухая борьба мнений, конечно, имеет свое значение и, перемешивая элементы, prepares почву — для какого-то неведомого события, prepares поле — для какой-то неизвестной силы, которая еще явится. Вот отчего иногда страшно становится жить, и из этого страху разве только опять это слово выводить: «Господь Бог»».

В ночь с 11 на 12 апреля 1865 года в Ницце скончался наследник престола великий князь Николай Александрович. Получив на следующий день известие об этом горестном событии, Константин Петрович немедленно написал А. Ф. Тютчевой: «О, какое горе — Анна Федоровна! Какое горькое и страшное горе! Такая тоска, такая тьма напала на душу — всю Светлую неделю прожил я в агонии, от одной телеграммы к другой, — и все еще таилась надежда, а сегодня страшная весть всё унесла, всё разбила — нет нашего милого царевича — и всякую минуту его точно живого видишь перед собою. А вчера мы молились и плакали — на Кремлевской площади, во всенародном моленье, со всею святыней московскою, и я ушел с площади с тихим чувством надежды — но Богу не угодна была грешная молитва. Знали мы, что она грешная, и молились: Боже! воздвигни праведника, чтоб он помолился Тебе. Но, видно, не нашлось праведника, и судьба Божия на нас пала... Кого и что оплакиваю — не умею сказать. Его ли молодую жизнь, его ли погибшую силу и счастье, только что распустившееся, — или милое, дорогое свое отечество — одного не умею отделить от другого. Но холодом веет на меня и страхом — мысль о будущем. Всем горько, все притихли и приуныли от страшной вести, — но мы, знавшие

его, всего сильнее чувствуем, что значит для всех потеря нашего царевича. Я верю, я чувствую всей душой, что судьба Божия совершается, что этот час — роковой час в судьбах России. На него была надежда, и в каждом из нас, знавших его, эта надежда оживала тем более, чем темнее становился горизонт, чем сильнее стали напирать темные силы, чем безотраднее казалась обстановка судеб наших. На него была надежда — мы в нем видели противодействие, в нем искали другого полюса, и глаза наши привыкли от мрака, все больше и больше сгущавшегося на северной точке нашей, обращаться в Нищцу, к нему и к Государыне. Его мы знали — и народ его знал и на него надеялся и бессознательно на нем покоил свою надежду на лучшее будущее. И эту надежду Бог взял у нас — что с нами будет? Да будет Его святая воля!

Боже мой! Так молод, — посреди всей роскоши южной природы, под блестящим солнцем, в яркий весенний день, из золотой чаши выпил он смертельное питье! А мать — бедная мать! Чем ей тьму просветить, чем ее горе измерить. О, благослови ее и утешь ее, Боже!

Я знаю, как вам тяжело, — и ничем не умею вас утешить, потому что сам себе не вижу утешенья. Только хочу свое горе приложить к вашему и слить с ним. Господи! как пусто и горько все кажется! Силы нет больше писать вам — и о чем еще писать! Судьба Божия наступила и весь мир накрыла! Господь с вами! Дай Боже вам сил и утешенья!»

К 1865 году круг служебных обязанностей Победоносцева расширился до такой степени, что для преподавания в Московском университете ему не стало хватать ни времени, ни сил. Константин Петрович принял решение оставить преподавательскую деятельность. 1 июня 1865 года он обратился к ректору университета профессору С. И. Баршеву со следующим письмом: «Милостивый государь Сергей Иванович! Приняв на себя в 1859 году обязанность преподавать гражданское право и судопроизводство студентам юридического факультета в Московском университете, и потом, по возвращении из-за границы проф. Никольского, ограничившись преподаванием одного судопроизводства гражданского, я за долг себе поставлял и вменял в честь по мере сил и возможности отправлять сию обязанность к пользе слушателей. Между тем, занятия мои по сенатской службе расширились и увеличились до того, что последние два года я уже с большим трудом и усилиями, не без ущерба

здоровью, продолжал преподавание, от которого, и по собственному моему усердию к пользе Московского университета, не легко было мне отказаться. Ныне же сенатские мои занятия еще более усилились и здоровье ослабло до того, что я, даже с прискорбием сердечным, вижу решительную невозможность согласить с сими занятиями обязанность преподавателя, почему и вынужден лишиться себя удовольствия и чести продолжать преподавание. Извещая о сем Ваше Превосходительство, долгом почитаю присовокупить, что если бы впоследствии состояние дел моих и здоровье позволили бы мне возобновить преподавание, а Московскому университету понадобились бы мои услуги, то я в полной готовности предоставляю себя в его распоряжение. Вместе с тем покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, заявить университетскому Совету просьбу мою, чтобы, в уважение 6-ти-летних трудов моих на службе университету, мне было дозволено, на будущее время, пользоваться в университетской библиотеке книгами и журналами на том же основании, как я доньше пользовался»¹.

10 июня 1865 года Совет Московского университета рассмотрел письмо Победоносцева и принял решение: «Уведомить библиотекаря университета о допущении действительного статского советника К. П. Победоносцева к пользованию книгами из библиотеки университета, на тех же основаниях, на которых он доселе пользовался, а правлению университета сообщить о прекращении ему содержания с начала вакационного времени.

Выразить К. П. Победоносцеву сожаление о том, что обстоятельства не позволяют ему продолжать преподавание в университете, которое приносило так много пользы студентам»².

2 декабря 1865 года на заседании юридического факультета Московского университета было единогласно принято решение представить Победоносцева к избранию в почетные члены Московского университета. Подавляющим большинством голосов (26 против 3) Университетский совет постановил присвоить ему это звание. Константину Петровичу было приятно узнать о столь высокой оценке своих заслуг на преподавательском поприще. В письме рек-

¹ ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 34. Д. 195. Л. 1—2. Текст данного письма опубликован, с небольшими отклонениями от оригинала, в статье А. Э. Нольде «Обзор научной юридической деятельности К. П. Победоносцева» (ЖМНП. 1907. № 8. Отд. 4. С. 85—86. Прим. 3).

² Там же. Л. 4 об.

тору Баршеву он выразил «горячую сердечную признательность всему достопочтенному сословию Московского университета», избравшему его своим почетным членом. «Старинная и близкая связь, писал он далее, — с самого рождения соединяет меня с Московским университетом, в котором отец мой в течение 35 лет занимал профессорскую кафедру, и потому, с тех пор как себя помню, окружен я был именами и событиями и преданиями университетской жизни. Связь эта еще укрепилась и стала для меня еще ощутительнее с тех пор, как я неожиданно призван был на служение Московскому университету в качестве преподавателя. Не дозволяя себе судить высоко о пользе, которую мечтал по мере сил и способностей принести университету своим преподаванием, я радуюсь, что усердие мое к сему делу не осталось незамеченным, о чем свидетельствует мне нынешнее лестное постановление университетское. Поистине вменяю себе в великую честь считаться сочленом университетского сословия и всеми мерами стараться буду, чтобы, сколь можно, почетное мое звание оправдалось на самом деле»¹.

Распроставшись с Московским университетом, Константин Петрович отправился в начале июля 1865 года отдыхать в имение своего однокашника по Училищу правоведения Д. А. Энгельгардта, которое находилось в селе Польшковичи Могилевской губернии². Здесь он снова встретил дочь его старшего брата Екатерину. Эта встреча оказалась роковой для Победоносцева: давно тайно в нее влюбленный, он открылся ей и узнал, что может рассчитывать на взаимность.

15 июля радостный Константин Петрович писал А. Ф. Тютчевой: «Добрейшая Анна Федоровна! Сколько вы показали мне доброго расположения и участия сердечного, что я без боязни спешу к вам сказать вам радость великую, которую послал мне Господь. О, порадитесь вместе со мною и благословите мою радость. Со вчерашнего дня я жених, и невеста моя — та, о ком десять лет не переставал я думать с трепетом — одному Богу сказывая глубокую мысль свою. Я всегда любил детей, любил с ними знакомиться, любил соединяться с ними в их детскую радость. Десять лет тому назад Бог послал мне милого ребенка — Катю мою, семилетнюю девочку, пле-

¹ Цит. по: *Нольде А. Э.* Обзор научной юридической деятельности К. П. Победоносцева. С. 87.

² Это село существует до сих пор: оно расположено на территории Могилевского района Могилевской области Республики Беларусь.

мянницу товарища моего Энгельгардта, к которому я ездил летом в деревню. Я подошел к ней как к ребенку и распознал в ней душу глубокую и привязался к ней всею своей душою. В этой душе хотелось мне пробудить все высокое и хорошее — я говорил ей о Боге, я молился с нею, я читал с нею и учил ее, целые часы и дни просиживая с нею, и она росла и развивалась у меня на глазах, и чем больше я вглядывался в душу к ней, тем больше и глубже отдавал ей и в нее полагал свою душу. Она любила меня крепко и нежно всею своей детскою душою, и первое счастье мое было смотреться в эту душу, и стоять над нею, и оберегать ее, и радовать. Годы проходили, и Катя моя выростала, и страх напал на меня: что будет дальше, когда ребенок мой вырастет передо мною в девушку. Она выросла, и было время, когда, казалось, Катя моя далеко от меня отходила и вышла из руки моей. Это было тяжкое время, то время, которое прожил я в Петербурге и в Царском Селе. Мне казалось уже, что Катя моя для меня потеряна, но теперь я вижу, что Господь этим временем испытывал меня и наказывал. “Наказать наказал Он меня — а смерти не предал”¹. Не знаю, как — не от меня это было, а от Бога — Катя моя опять ко мне воротилась, — и вот, прошлый год весь прошел в недоразуменье, в робости — между нами завязались новые отношения в тихой тени отношений прежних, завязались тогда, когда я уж думал, что все кончено, и стал все двери запирать около себя и отрезывать всякие надежды. Я чувствовал, однако же, что я для нее необходим, что мне одному сердце ее вполне верит, что на меня одного она полагается и опирается, — но может ли она полюбить меня — вот чего я не знал и знать не мог. Я приехал сюда 4 июля и провел целую неделю тревожную! оба мы чувствовали, что уж не можем ни о чем спокойно и свободно говорить, покуда одно между нами не объяснится и слово об этом одном не будет сказано. Положение становилось невыносимо, и я со страхом решился сказать все своей Катюше — и потом был еще целый день тревоги и волнения, и наконец — услышал я то слово, которого ждала душа моя. И радость моя перед всеми явилась. О, на какое широкое место вывел меня Господь из тесноты и скорби и отчуждения!

Что вам говорить про нее — и вы мне на слово не поверите, но, если Бог даст, вы когда-нибудь увидите ее и узнаете, вы ее по-

¹ Псалтырь. 117:18.

любите — все ее любят, кто только знает... Но вы поверите, какую новою кажется для меня теперь жизнь — и какая радость в душе у меня. Вспоминаю, как был бы рад услышать об этом милый мой, возлюбленный Николай Александрович (цесаревич. — *В. Т.*) — он так часто говорил мне: “Как бы я хотел, чтоб вы женились, — отчего вы не женаты?” И теперь, вспоминая эти слова, мы молимся за него горячо с милою Катей, потому что и она, по мне, знала и любила его.

Порадуйтесь же за меня, добрая, милая Анна Федоровна, — от вашей души столько добра я видел. Порадуйтесь той радостью, которой “радуется друг женихов, когда слышит его голос, и стоит и внимает ему”¹, и благослови вас Боже всяким миром и всякою радостью. — Скажите мне словечко от себя и об себе — адрес мой: губернский г. Могилев на Днепре, на имя Александра Андреевича Энгельгардта. — Господь с вами. Поминайте в любви и в мире всей душою преданного и благодарного».

22 августа Победоносцев отправился в Москву, договорившись с невестой, что она приедет к нему зимой и тогда будет сыграна свадьба. Счастье переполняло его. «Добрейшая Анна Федоровна! — писал он днем ранее Тютчевой. — От всей души благодарю вас за добрые ваши слова, которыми вы отозвались на мою радость. Вы ее почувствовали, — благослови вас Боже радостью во имя Христова. Не знаю, о чем говорите вы, но когда у вас на душе хорошо стало, дай Бог, чтоб не отступало от нее светлое чувство. В эту минуту у меня больше, чем когда-нибудь, душа просит, чтобы всем, кого я люблю, хорошо было: мне самому хорошо. Не знаю, что принесет мне жизнь, но теперь больше, чем когда-нибудь, чувствую себя под милующею рукой Божией и чувствую, что есть у меня своя душа, свой человек в этом мире. Сколько раз, бывало, душа в нетерпении готова была сказать себе: умереть хочу, — а теперь говорит: не умру, но жив буду, потому что есть в ком душу свою отразить и жизнь свою почувствовать.

Доживаю здесь последний день и завтра отправляюсь в Москву от своей невесты и стану ждать ее зимою. Подумайте, какое счастье мне Бог посылает: дитя мое милое, кого я на своем сердце взрастил и в кого свою душу положил, станет моей женою — и я в нее верю больше, чем в кого другого на свете, потому что больше и ближе, чем кого-нибудь, ее знаю и она меня. Только молюсь, чтоб Бог

¹ Евангелие от Иоанна. 3:29.

нас не оставил и дал нам полный и совершенный дар любви: я верю, что сам по себе, одною своей душой человек и любить не может, а любовь, связующая души, воистину от Бога дается. Пусть бы она была, а все остальное приложится!»

Екатерина Александровна Энгельгардт родилась 4 февраля 1848 года¹ в семье штаб-ротмистра и надворного советника Александра Андреевича Энгельгардта (1822 — не ранее 1880) и Софьи Никаноровны (урожденной Огон-Догановской). Она была, таким образом, на 20 лет 9 месяцев и 17 дней моложе своего мужа. Впоследствии Екатерина вспоминала: «Я знала своего мужа с 5 лет, а ему было тогда около 20-ти (в действительности около 26. — *В. Т.*). Он был в Училище правоведения. Младший брат моего отца был его товарищем и часто с ним приезжал к нам»².

Е. В. Сабурова, видевшая молодую жену Победоносцева, записала в своих мемуарах: «Очень красивая молодая фигура... Весьма грациозная, с великолепными локонами... Я впервые увидела и сейчас же отметила Екатерину Александровну Победоносцеву, недавно только вышедшую замуж за Конст[антина] Петр[овича]. Внешность ее была живописна и оригинальна. Легенда о ее браке с известным профессором Московского университета была у всех любимым разговором. Она была им воспитана, какется, он был опекуном и с детства руководил всем ее развитием»³.

Одна из легенд о супругах Победоносцевых была связана с романом Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Некоторые литературоведы высказывали мнение о том, что они стали для писателя прототипом четы Карениных⁴. Екатерине Александровне была известна эта легенда. В своих воспоминаниях она писала: «Льва Толстого я не знала, но в то время был в моде роман «Анна Каренина». Все им увлекались. Я тоже, и сшила себе платье такое же, как было у Анны Карениной в романе «Анна Каренина»: черное декольте, и приколов, как и она, на грудь пучок анютиных глазок, поехала в театр в ложу. Все нашли, что я очень похожа на Анну Каренину. Меня это

¹ Екатерина Александровна переживет своего мужа почти на четверть века: она умрет в Ленинграде 18 февраля 1932 г.

² РГИА. Фонд 1574. Оп. 1. Д. 29. Л. д. 4.

³ Сабурова Е. В. Воспоминания // Отдел рукописей РГБ. Фонд 667. Карт. 3. Ед. хр. 1. Л. 79.

⁴ Это мнение выразил, например, В. Ф. Саводник в своих примечаниях к изданию романа в 1928 г. См.: Толстой Л. Н. Анна Каренина. М.: Госиздат, 1928. Т. 1. С. 381.

забавляло. И другие платья я сшила себе такие же, как описываются в романе у Анны Карениной. Может быть, от того и пошел слух, что Толстой с меня написал Анну Каренину, а с моего мужа самого Каренина. Хотя ничего общего в наших характерах не было»¹.

Роман «Анна Каренина» был написан в 1877 году. В то время Л. Н. Толстой мог знать Победоносцева только как воспитателя наследников престола и лишь с хорошей стороны. Мнение Льва Толстого о Победоносцеве изменилось после того, как Константин Петрович отказался передать письмо писателя с просьбой о помиловании цареубийц императору Александру III. 7 декабря 1900 года Толстой набросал черновик письма к Николаю II, в котором изобразил Победоносцева следующими словами: «Отвратительный, бессердечный, бессовестный советчик ваш по религиозным делам, злодей, имя которого, как образцового злодея, перейдет в историю»².

Смерть цесаревича Николая Александровича сделала наследником престола его брата великого князя Александра Александровича. В августе 1865 года Победоносцев был приглашен к нему в наставники — преподавать законоведение³. «Новый цесаревич, слышав обо мне доброе от покойного брата, пожелал меня иметь при себе для преподавания. Я не мог уклониться и переехал в Петербург в 1866 году на жительство и на службу»⁴, — так описывал впоследствии Победоносцев новый поворот в своей судьбе.

Мать Константина Петровича осталась одна в Москве в своей семейной обители в Хлебном переулке. Но жила она после отъезда младшего сына недолго. В сентябре 1867 года Елена Победоносцева скончалась. «Она была у нас точно святыня в доме, — писал Победоносцев Анне Федоровне Аксаковой (Тютчевой), — точно живая благодать, Богом посланная в благословение. Всегда кроткая, тихая, ясная, всегда на молитве за нас за всех, она как свеча горела перед Господом Богом — как свеча и погасла, на 81-м году жизни, в одно мгновение, одним ясным утром... Она всех собирала около себя, и теперь, без нее, старый дом, где все было так тепло, и ясно,

¹ Победоносцева Е. А. Воспоминания [о Толстом] Л. Н. // Л. Н. Толстой: К 120-летию со дня рождения (1828—1948) / Коммент. и ред. Н. Н. Гусева. М., 1948. Т. 2. С. 157.

² Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. М., 1933. Т. 72. С. 516.

³ Лекции по законоведению К. П. Победоносцев читал также великому князю Владимиру Александровичу и супруге цесаревича великой княгине Марии Федоровне.

⁴ Письмо К. П. Победоносцева к Николаю II... С. 625.

и полно, — стоит без нее пуст и холоден — и Бог знает, долго ли еще простоит он»¹.

О том, как жил Победоносцев в эту пору, какие настроения в себе носил, он описал 12 февраля 1868 года в письме к Екатерине Федоровне, дочери поэта Тютчева: «Благодарю вас от сердца, добрейшая Катерина Федоровна, что вы про меня вспомнили и написали мне. И я тотчас ответил бы вам, когда бы письмо пришлось в тихую минуту. Но последние эти дни были для меня днями усталости. Вы знаете эту петербургскую нездоровую усталость от пустоты и принуждения, когда день проходит и спрашиваешь себя: что я делал? с кем и что я говорил? о чем я думал? А я так впечатлителен, что иногда один обед, на котором придется быть, наполняет целый день усталостью — утром от ожидания, вечером от оставшегося дурного вкуса. Не поверите, как мало нынче осталось свежести и интереса во всем, что видишь и слышишь, — кажется, все это слышал, все это видел столько раз прежде — и всегда одно и то же. Вообще, кажется, уставать мне нельзя от выездов, потому что у меня их очень немного, и, может быть, оттого именно они, когда случаются, сильно утомляют меня. Что касается до моей Кати, то она и совсем почти не выезжает — выезды нам и не по средствам, и ее утомляют очень — она не осмотрелась еще в обществе и едва ли когда усвоит себе искусство говорить обо всем и со всеми — она умеет говорить только вдвоем и еще не понимает возможности поднимать и спускать петли светского разговора...

Чем я занимаюсь здесь официально, в этом и себе самому не умею хорошенько дать отчета. Веры нет у меня в то дело, которое обязан здесь делать, и оттого положение мое тяготит меня. Успокоиваешься только на том, что не я этого хотел — а меня призвали. Но похоже на то, как будто по пустыне странствуешь. А по своей воле — я занят теперь печатанием своей книги о гражданском праве, — которую надеюсь скоро выпустить в свет. Затем примусь печатать перевод “Подражания”, который окончен уже совершенно. Петербург не люблю я по-прежнему — душно в здешнем воздухе, очень душно: до того, кажется, все измельчало здесь — и дела, и люди, и манеры, и формы общежития. Оглядываюсь на Москву — и не поверите, с какой тоскою, — все еще не могу привыкнуть к мысли о том, что старое гнездо мое опустело и охладело. А нового гнезда — Бог не дает еще завести нам с женою, и кажется нам иной

¹ Отдел рукописей РГБ. Фонд 230. Карт. 5273. Ед. хр. 4. Л. 10—10 об.

раз, что мы странствуем — в землю обетованную, и душа просит той же веры, какая была у Авраама, когда он ждал до самой смерти исполнения слова Божия!»

Под «книгой о гражданском праве» Победоносцев имел ввиду первый том своего «Курса гражданского права». Он вышел в свет в конце марта 1868 года¹. 13 апреля того же года юридический факультет Московского университета, рассмотрев заявление исправляющего должность экстраординарного профессора В. Н. Никольского «об ученых достоинствах нового труда почетного члена М[осковского] у[ниверситета] К. П. Победоносцева», на основании § 113 Университетского устава «единогласно постановил ходатайствовать пред Советом об удостоении г. Победоносцева степени доктора юридических наук по отделу гражданского права»².

В тот же день Совет университета утвердил Победоносцева в докторской степени. Спустя пять дней — 18 апреля — ректор Баршев направил в адрес нового доктора гражданского права соответствующий диплом³. Константин Петрович отвечал 24 апреля благодарственным письмом: «Милостивый государь, Сергей Иванович! Получив почтеннейшее письмо Вашего Превосходительства, и приложенный при оном диплом на звание доктора гражданского права, поспешаю принести Вам искреннюю благодарность за доброе Ваше расположение, в том письме выраженное. Вместе с тем, покорнейше прошу Вас засвидетельствовать Совету университетскому чувство моей глубокой признательности за честь, которой Московский Университет меня удостоил, и которая чувствительнее многих иных наград, не только для моего самолюбия, но и для сердца моего, издавна привязанного к Московскому Университету. Не приписывая сей чести ученым заслугам, которые никак не решаюсь признать соответствующими оной, приписываю ее вниманию Московского Университета к тому усердию, с коим я старался служить ему на пользу, и в коем не желал бы уступить никому из достопочтенных его деятелей. В новом звании, коего я удостоен, буду иметь новое побуждение к трудам, которые, да поможет мне Бог продолжать, по мере сил моих, на пользу науки»⁴.

¹ Второй том «Курса гражданского права» Победоносцева выйдет в 1871 г., третий — в марте 1880 г.

² ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 37. Д. 137. Л. 1.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 7—8.

За два с небольшим месяца до этого — 19 февраля 1868 года — Победоносцев был назначен сенатором, присутствующим во 2-м департаменте Сената и возведен в чин тайного советника. 28 ноября того же года он был переведен в Гражданский кассационный департамент.

В 1871 году Константин Петрович сблизился с Ф. И. Тютчевым. 22 сентября Федор Иванович писал Екатерине Федоровне: «Вчера, дочь моя, у меня с Победоносцевым был длинный и душевный разговор о тебе, он очень тепло к тебе относится и жалуется на твое молчание. Он как будто собирается тебе написать. Я довольно часто вижу с ним и с его очень милой и умной женой»¹.

Победоносцев давно был дружен с семьей Тютчевых, особенно с Анной Федоровной. С Федором Ивановичем его сблизало одинаково критическое отношение к современному им русскому обществу и к политике императора Александра II. Они оба считали ее чуждой русским интересам. В одном из своих писем (от 1 декабря 1870 г.) Тютчев писал, что в России господствует «абсолютизм, включающий в себя «черту самую отличительную из всех — презрительную и тупую ненависть ко всему русскому, инстинктивное, так сказать, непонимание всего национального»². В письмах к сестрам Тютчевым Победоносцев не скрывал своего отрицательного отношения к тому, как Александр II проводил реформы. «А нам здесь, — писал он Анне Федоровне 14 декабря 1864 года, — не поверите, как надоели преобразования, как мы в них изверились, как хотелось бы на чем-нибудь остановиться, чтоб знать, наконец, какое колесо у нас вертится и на каком месте какой работник стоит... Право, иной раз можно вообразить, что живешь между детей, воображающих, что они взрослые: посудите, как это тяжело. И как часто на всем этом рынке проектов, во всем этом шуме дешевых и неглубоких восторгов вспоминаешь слова Иоанна “идолы у язычников — серебро и золото, дело рук человеческих. Очи имут и не видят, уши имут и не слышат, ноги имут и не ходят, язык имут и не говорят. Подобны им все, кто надеется на них и поклоняется им”. На этом рынке идольском кто встанет, кто появится крепкий, чтоб разбить кумира и провозгласить Бога истинного? У всякого идола — свои жрецы, которые и его и себя вместе с ним защищают».

¹ Тютчев Ф. И. Письмо к Е. Ф. Тютчевой от 22 сентября 1871 г. // Литературное наследство. Т. 97. В 2-х книгах. Кн. 1. М., 1988. С. 479.

² Цит. по: Кожин В. В. Тютчев. М., 1988. С. 447.

«Все, что я вижу, что совершается вокруг, гнетет душу, — изливался Победоносцев в письме к Екатерине Федоровне Тютчевой 18 октября 1866 года. — Вокруг совершается такой процесс разложения, что иной раз страх нападает на душу и хочется сказать: довольно. Что еще придется видеть, пережить и испытать в этом безумном, бессмысленном, пошлом мятеже человеческом»¹. В феврале 1880 года исполнилось 25 лет со дня восшествия на императорский престол Александра II. Константину Петровичу представился случай высказать свое мнение об итогах его царствования. «А это 25-летие роковое, и человек его — роковой для несчастной России. Бог с ним, Бог рассудит, виноват ли он или нет, только в руках у него рассыпалась и опозорилась власть, врученная ему Богом, и царство его, может быть, и не по вине его, стало царством лжи и мамоны, а не правды»², — написал он Е. Ф. Тютчевой.

Пока был жив цесаревич Николай Александрович, Победоносцев только с ним связывал свои надежды на появление в России истинно национального государства — государственной власти, служащей русским интересам. Великий князь Александр Александрович не внушал поначалу Победоносцеву большого оптимизма. Константин Петрович с большой неохотой отправился во второй половине 1866 года сопровождать его высочество в традиционной для наследника престола поездке по России. Но общение с Александром Александровичем постепенно убедило Победоносцева, что на него можно надеяться. В 1867 году он писал о цесаревиче Анне Федоровне Аксаковой (Тютчевой): «Сравнивая прежнее время, с жениховства, я его не узнаю. Он стал яснее, свободнее, и душа у него поистине прямая и честная — к нему привязаться можно. Сердце у него русское».

В 1868 году Победоносцев сообщал Анне Федоровне: «По понедельникам и субботам бываю у цесаревны (Марии Федоровны. — В. Т.), — она очень добра и проста по натуре; но — Боже мой, — как дети в пустыне живут они, как овцы, бродящие без пастыря, и иногда сердцу бывает больно смотреть на них».

Завершив преподавание законовведения цесаревичу Александру Александровичу, Победоносцев не прекратил с ним общения. В

¹ Победоносцев К. П. Письма к Е. Ф. Тютчевой (1866) // Отдел рукописей РГБ. Фонд 230 (К. П. Победоносцев). Карт. 4408. Ед. хр. 1. Л. 6.

² Победоносцев К. П. Письма к Е. Ф. Тютчевой (1880) // Отдел рукописей РГБ. Фонд 230 (К. П. Победоносцев). Карт. 4408. Ед. хр. 13. Л. 11 об.

письмах к его высочеству Константин Петрович регулярно рекомендовал ему для прочтения ту или иную книгу. Причем выбор литературы был не случайным. Так, в письме от 28 октября 1869 года Победоносцев рекомендовал наследнику престола книгу Нила Попова «Россия и Сербия»¹, 24 ноября того же года он советовал Александру Александровичу прочитать книгу историка М. П. Погодина по остзейскому вопросу², 5 октября 1873 года Победоносцев сообщал великому князю, что послал ему в Крым опубликованный в журнале «Русский вестник» роман Мельникова-Печерского «В лесах»³. 14 мая 1876 года будущий русский царь получил от своего наставника рекомендацию прочитать рассказ Н. С. Лескова «На краю света»⁴. А в письме от 12 октября 1876 года Константин Петрович советовал цесаревичу познакомиться с другим примечательным произведением. «Позволяю себе послать Вашему Высочеству книжку. Не знаю верно, любите ли Вы читать по-английски, но прошу Вас усердно прочесть в этой книжке первую, прекрасно написанную статью о германском флоте. Она очень поучительная и любопытна, — именно в настоящих обстоятельствах она покажет, как много успели там сделать средствами, которые много меньше того, что у нас потрачено»⁵.

Помимо рекомендаций прочесть ту или иную книгу, Победоносцев нередко давал в письмах к будущему императору советы по управлению Российским государством. **«Вся тайна русского порядка и преуспевание — наверху, в лице верховной власти, — наставлял он Александра Александровича 12 октября 1876 года. — Не думайте, чтобы подчиненные Вам власти себя ограничили и поставили на дело, если Вы себя не ограничите и не поставите на дело. Где себя распустите, там распустится и вся земля. Ваш труд всех подвинет на дело, Ваше послабление и роскошь зальет всю землю послаблением и роскошью, — вот что значит тот союз с землею, в котором Вы родились, и та власть, которая Вам суждена от Бога. Не верьте, когда кто станет говорить Вам, что все пойдет само собою в государстве, и что на том или другом положении или законе Вы можете успокоиться. Это неправда. Придет, может быть, пора, когда льстивые**

¹ Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1. М., 1925. С. 9.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 18.

⁴ Там же. С. 44.

⁵ Там же. С. 54.

люди, — те, что любят убаюкивать монархов, говоря им одно приятное, — станут уверять Вас, что стоит лишь дать русскому государству так называемую конституцию на западный манер, — все пойдет гладко и разумно, и власть может совсем успокоиться. Это ложь, и не дай Боже истинному русскому человеку дожить до того дня, когда ложь эта может осуществиться»¹ (выделено мною. — В. Т.). «Мое глубокое убеждение, — внушал Победоносцев великому князю Александру Александровичу в 1877 году, — что у нас в России всего более дорожить надо нравственным доверием народа, верю его в правительство. Народ приходит в уныние и тоску, когда не чувствует правящей силы, — Боже мой, как это важно! У нас в России, нет другой движущей силы, кроме единства народа с правительством в нравственном сознании»².

1 января 1872 года Победоносцев был назначен членом Государственного совета по департаменту гражданских и духовных дел, то есть получил возможность, как он сам о себе писал, «высказывать вслух всем свои мнения по государственным вопросам, — мнения, коих никогда ни от кого не скрывал»³. Правда, Константин Петрович довольно быстро разочаровался в Государственном совете. По свидетельству окружающих его людей, он неоднократно высказывался об этом учреждении резко отрицательно — например, заявлял, что его надо бы на замок запереть, и ключ бросить в Неву, или же признавался в том, что ему надоело слушать болтовню на заседаниях Государственного совета. В одном из писем 1878 года к Е. Ф. Тютчевой Победоносцев писал, что члены Государственного совета «продают правду жизни и твердые ее начала — на пошлейшие аргументы либеральных начал, и всякий раз оглядываются — не сочла бы нас Европа за варваров!». По его словам, они «что угодно готовы разрушить, от чего угодно отказаться, что угодно принять, лишь бы блестели лоском европейской биржи!»⁴ В 1880 году он жаловался Екатерине Федоровне, как тяжело ему «сидеть между людьми, отрешившимися от преданий, потерявших смысл государственный, желающими только сбросить с себя бремя ответственности,

¹ Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1. М., 1925. С. 54.

² Там же. С. 67.

³ *Победоносцев К. П.* Письмо к Николаю II // Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 626.

⁴ *Победоносцев К. П.* Письма к Е. Ф. Тютчевой (1878) // Отдел рукописей РГБ. Фонд 230 (К. П. Победоносцев). Карт. 4408. Ед. хр. 13. Л. 68—68 об.

пустить куда-то в свободное пространство — в так называемое общество важнейшие функции государственной власти». И «все эти тенденции расслабленного эгоизма, — констатировал Победоносцев, — прикрываются и оправдываются фразами, формулами истасканного либерализма»¹.

У членов же Государственного совета славившийся своим критичным умом и широкой образованностью профессор вызывал невольное уважение. А. Ф. Кони вспоминал впоследствии, что большинство выступавших на заседаниях Госсовета постоянно смотрели в сторону Победоносцева, «жадно отыскивая в сухих чертах его аскетического лица знак одобрения или сочувствия тому, что они говорили, подделываясь под взгляды... «великого инквизитора», как они его заочно называли»².

24 апреля 1880 года император Александр II назначил К. П. Победоносцева обер-прокурором Святейшего синода, оставив его при этом на должностях сенатора и члена Государственного совета. В обер-прокурорские функции входил контроль за назначениями тех или иных лиц на епископские и митрополичьи кафедры, а также на профессорские должности в духовных учебных заведениях. Победоносцев сделался, таким образом, фактическим руководителем русской православной церковной организации.

Новая, более высокая, должность не обрадовала его. «О, подлинно страшное дело власть, и те, кто желают ее, не ведают, что глаголют, — восклицал он в письме к Е. Ф. Тютчевой, грустно замечая при этом: — Я всегда смотрел на нее как на бедствие, зная, что во власти надо потерять свободу и быть всем слугою. Поддерживают меня вера в святость призвания и надежда на живые силы»³.

Восшествие на императорский престол Александра III после убийства 1 марта 1881 года Александра II усилило роль Победоносцева в политической жизни Российской империи, хотя он остался в прежних своих должностях и был лишь повышен в чине: 17 апреля 1883 года он стал действительным тайным советником. На целую четверть столетия — срок и по тем временам огромный — Победоносцев сделался одной из самых влиятельных фигур в русской

¹ *Победоносцев К. П.* Письма к Е. Ф. Тютчевой (1880) // Отдел рукописей РГБ. Фонд 230 (К. П. Победоносцев). Карт. 4408. Ед. хр. 13. Л. 79 об—80.

² *Кони А. Ф.* Собрание сочинений в восьми томах. Т. 2. М., 1966. С. 267.

³ *Победоносцев К. П.* Письма к Е. Ф. Тютчевой (1880) // Отдел рукописей РГБ. Фонд 230 (К. П. Победоносцев). Карт. 4408. Ед. хр. 13. Л. 31.

политической элите. И это при том, что самой этой элите он остался чужд. За десятилетия жизни в Санкт-Петербурге он так и не смог сродниться с его сановно-чиновным миром. Более того, злобность этого города стала ощущаться им еще острее. «Бедлам и центр разврата на всю Россию»¹, — такими словами назвал он Санкт-Петербург в письме к С. А. Рачинскому, написанном 30 июня 1882 года.

В. В. Розанов, лично знавший Победоносцева и хорошо понимавший его одиночество среди сановников империи, пытался объяснить этот феномен и пришел к весьма оригинальному выводу. «Для всякого, кто имел малейшее к нему прикосновение, — писал он вскоре после кончины Победоносцева, — не может быть никакого сомнения, что его невозможно поставить и оставить в ряду действительно темных людей политики, вроде известного австрийского Меттерниха: у тех был какой-то врожденный мундир, какая-то мундирность душеустройства, которая отталкивает от них человечество. «Не наш, не наш!» — есть восклицание над их гробом, роковое, самое мучительное, если оно раздается из уст человечества. Над гробом Победоносцева хочется сказать другое, примирительное слово. Я знаю, как встанут на дыбы против этого слова все, кто лично его не знал и просто по этому незнанию *не могут судить*. Мундир на него был только надет, притом — со стороны. И хотя Победоносцев нервно ненавидел общество и общественность и в этом отношении иногда произносил слова удивительной дерзости, но уже по их темпераменту и вообще по отсутствию в нем лукавства, хитрости, двуличия, притворства, заискивания, по этому свободному прекрасному в нем духу «он был *наш!*»... Плоть от плоти общества, литературы, скажу необыкновенную вещь — улицы... Бывают случаи, что дитя улицы, уличный волчонок доброю феєю или ангелом судьбы своей бывает перенесен во дворец, в аристократию, в золотые и раззолоченные круги; и всю-то жизнь он стоит угрюмо среди них, кусается, презирает, бьется. Мне решительно и определенно известно, что раззолоченную среду вокруг себя, эту нашу бюрократию, он всегда и нескрываяемо презирал. С некоторыми министрами, тоже весьма богомольными, он не хотел иметь никакого дела, несмотря на все их заискивание... Но фея отделила

¹ Письма к С. А. Рачинскому // Отдел рукописей РНБ. Ф. 631 (С. А. Рачинский). 1882. Январь — июль. Л. 167.

волчонка рано и от улицы: видя ее только издали, как грязь, прилипающую к колесам своего экипажа, — он презирал и ее далеким, непонимающим, *отвлеченным* презрением»¹.

Политическое значение Победоносцева слегка пошатнулось после смерти императора Александра III и восшествия на престол Николая II. Однако новый император так же, как и прежний, был учеником Победоносцева: в течение двух лет и восьми месяцев — с 11 октября 1885 по 10 июня 1888 года — он слушал его лекции по юридическим наукам и наставления в политике, читавшиеся каждую пятницу по два часа в Гатчинском дворце. И слушал, как отмечал сам Константин Петрович, «с интересом и живостью»². Поэтому в целом положение Победоносцева в сановной иерархии Российской империи осталось очень влиятельным и при новом императоре. Но мудрый старик понимал, что правительство в новых условиях бессильно остановить ход событий, влекущий Россию к революционной катастрофе. «До чего доживут — общество и правительство, — писал он 19 июля 1900 года в письме к С. А. Рачинскому. — Удивительно думать, как и те, и другие помешались на служении идолу свободы. Ужасаются анархии и анархистов, но говорят: что же делать — свобода! И на мысль не приходит, что это не борьба идеи с идеей, а борьба с эпидемией, с заразой, которая охватывает тысячи и миллионы душ, распространяемая тою же непрекращаемой свободой — свободой всяческого делания, всяческой речи, и особенно свободой печати: и дух захватывает, когда думаешь о несчастной России»³.

С каждым годом нового царствования у Победоносцева все меньше оставалось надежд на то, что России удастся избежать катастрофы. В декабре 1904 года он делился своими горестными предчувствиями с П. И. Бартевым: «Бог отнял у людей разум. В 1881 году можно было надеяться — теперь ни в ком нет опоры»⁴. «Я чувствую, что обезумевшая толпа несет меня с собою в бездну, кото-

¹ Розанов В. В. Около народной души. Статьи 1906—1908 гг. М., 2003. С. 94—95.

² Победоносцев К. П. Письмо к С. А. Рачинскому от 13 ноября 1885 г. // Отдел рукописей РНБ. Фонд 631 (С. А. Рачинский). Письма к С. А. Рачинскому. 1885. Октябрь—декабрь. Л. 105 об.

³ Письма к С. А. Рачинскому // Отдел рукописей РНБ. Фонд 631 (С. А. Рачинский). 1900. Июль—август. Л. 2.

⁴ Письма разных лиц к П. И. Бартеву (1904) // РГАЛИ. Фонд 46 (П. И. Бартев). Оп. 1. Ед. хр. 596. Л. 394.

рую я вижу перед собой, и спасения нет»¹, — писал Константин Петрович 25 декабря 1904 года С. Ю. Витте.

Издание 17 октября 1905 года «Манифеста об усовершенствовании государственного порядка», вменившего в обязанность правительства «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов», показало Победоносцеву, что его опасения начали оправдываться. 19 октября он подал в отставку с поста обер-прокурора Святейшего синода. Оставшись после этого лишь членом Государственного совета, Константин Петрович больше не принимал сколько-нибудь заметного участия в политической жизни русского общества. В его судьбе наступила пора подведения итогов.

В 1906 году митрополит Волынский Антоний (Храповицкий), неоднократно испытывавший на себе гнев со стороны Победоносцева в то время, когда он был обер-прокурором Святейшего синода, счел необходимым в ответ «на наглые выходки газет» высказать ему «свое высокое уважение и благодарность». В письме к Победоносцеву, которое было опубликовано в газете «Волынские Епархиальные ведомости» (1906. № 24), преосвященный Антоний написал: «Промыслу Божию угодно было ставить меня в такие положения по отношению к людям, пользовавшимся вашим доверием, что я часто навлекал на себя ваше неудовольствие; кроме того, мои взгляды на церковь, на монашество, на церковную школу и на патриаршество не могли встретить в вас сочувствия и одобрения; однако при всем том, я никогда не мог сказать по отношению к вашей личности слов укорительных или враждебных: так непоколебимо было мое к вам уважение. Я чтил в вас христианина, чтил патриота, чтил ученого, чтил труженика. Я сознавал всегда, что просвещение народа в единении с церковью, начатое в 1884 году, исключительно благодаря вам и вами усиленно поддерживавшееся до последнего дня вашей службы, есть дело великое, святое, вечное, тем более возвышающее вашу заслугу церкви, престолу и отечеству, что в этом деле вы были нравственно почти одиноки... Вы подняли над грамотной Россией свет Божественной Библии, распространили слово Божие по дешевой цене на всех наречиях православных племен России и иных отдаленных стран... Вы убедили лучшего из

¹ Цит. по: *Тальберг Н. Д.* Победоносцев: Очерки истории императорской России. М., 2000. С. 123–124.

покойных царей наших приказать строить православные храмы в православном их архитектурном благолепии, а не в безобразном виде еретических капищ... Вы умели ценить снедающую ревность о Боге под мужицкими зипунами, под бешметами учителей из крещеных инородцев. Вы отыскивали ревнителю веры и Церкви и не стыдились учиться у смиренных тружеников провинции — Рачинского и Ильминского — в то время, когда царь России имел вас своим главным советником, а Европа знала вас как просвещеннейшего профессора и общественного деятеля... Вы не только служили, вы подвизались добрым подвигом. Вы не были, однако, сухим фанатиком государственной или церковной идеи: вы были человеком сердца доброго и снисходящего, как и все три государя, которым вы служили. Люди бедные, или скорбящие духом, люди споткнувшиеся находили сердечный отклик в вашем сердце. Вы не отступали перед страхами человеческими, но часто отступали перед слезами. Быть может, даже иногда погрешали против принципа, подчиняясь жалости, но не погрешали этим против Господа Иисуса Христа. Вопреки заявлению наших презренных врагов, форма и буква закона не были для вас высшим доводом: горячая и убежденная просьба склоняла вас на изъятие во имя милосердия. Особенно ценно в вас было то, что вы верили в человеческое раскаяние и исправление: в 1883 году вы простили одного раскаявшегося семинариста-революционера, а в 1898 году он был епископом, и таких случаев было много за время вашей службы»¹.

После того, как Победоносцев был назначен обер-прокурором Синода, ему предоставили в пользование казенный дом по адресу: Литейный проспект, 62. В этом довольно большом — в 40 комнат — особняке прошли последние годы его жизни. Он принимал здесь писателей, ученых, композиторов, художников, государственных деятелей, простых посетителей². В гости к Победоносцевым часто приходили дети его добрых знакомых или просто соседей по улице или ученики Екатерины Александровны, преподававшей в Свято-Владимирской женской церковно-учительской школе, открытой в 1889 году в память 900-летия крещения Руси при Святом

¹ Цит. по: *Глинский Б. Б.* Константин Петрович Победоносцев: Материалы для биографии // К. П. Победоносцев: pro et contra. Антология. СПб., 1996. С. 405—406.

² В доме Победоносцева на Литейном проспекте бывали: Федор Достоевский, Петр Чайковский, Владимир Соловьев, Василий Розанов, Иван Аксаков, Крамской, Балакирев и др.

Владимире с целью подготовки учительниц для церковно-приходских школ Петербургской епархии. Своих детей у Победоносцевых, к большому огорчению и мужа, и жены, так и не появилось. 9 июня 1897 года кто-то подкинул к дверям их квартиры девочку. Победоносцевы крестили ее, назвав Марфой, и взяли на воспитание. 11 апреля 1902 года Константин Петрович получил высочайшее разрешение на удочерение Марфы с правами потомственного дворянства¹.

Среди соседских детей, часто посещавших Победоносцевых в конце 90-х годов XIX — в первые годы XX века, была ставшая впоследствии знаменитой Лиза Пиленко. В своих воспоминаниях об этих посещениях она писала: «Победоносцев страстно любил детей. Поскольку я могла судить, он любил вообще всяческих детей — знатных и незнатных, любых национальностей, мальчиков и девочек, — вне всяких отношений к их родителям. А дети, всегда чувствительные к настоящей любви, платили ему настоящим обожанием. В детстве своём я не помню человека другого, который так внимательно и искренне умел бы заинтересоваться моими детскими интересами. Другие люди из любезности к родителям или оттого, что в данное мгновение я говорила что-нибудь забавное, слушали меня и улыбались. А Победоносцев всерьёз заинтересовался тем, что меня интересовало, — и казался поэтому единственно равным из всех взрослых людей. Любила я его очень и считала своим самым настоящим ДРУГОМ».

Весной 1906 года повзрослевшая и задумавшаяся о смысле жизни Елизавета Юрьевна Пиленко пришла к своему другу с пилатовским вопросом: «Константин Петрович, что есть истина?» Победоносцев улыбнулся: «Милый мой друг Лизонька! Истина в любви, конечно. Но многие думают, что истина в любви к дальнему. Любовь к дальнему — не любовь. Если бы каждый любил своего ближнего, находящегося действительно около него, то любовь к дальнему не была бы нужна. Так и в делах: дальние и большие дела — не дела вовсе. И настоящие дела — ближние, малые, незаметные. Подвиг всегда незаметен. Подвиг не в позе, конечно. А в самопожертвовании, в скромности». Лиза была разочарована таким ответом. Его мудрость она поймет четверть века спустя, и после этого всю себя отдаст служению Богу и людям.

¹ Марфа Победоносцева после революции 1917 г. эмигрировала из России. В конце 20-х годов она проживала в США.

Когда Елизавета уезжала из Петербурга, Константин Петрович писал ей письма. Она долго потом помнила одну строчку из них: «Слыхал я, что ты хорошо учишься, но, друг мой, не это главное, а главное — сохранить душу высокую и чистую, способную понять все прекрасное». Елизавета Пиленко выполнила завет своего мудрого друга: многое утратила в жизни и в конце концов и саму жизнь, но душу — «высокую и чистую» — сохранила.

В 1906 году пятнадцатилетняя Елизавета, писавшая стихи, пришла поговорить о жизни к Александру Блоку. Поэт ответил на ее настроения стихотворением: «Когда вы стоите на моем пути, / Такая живая, такая красивая, / Но такая измученная, / Говорите всё о печальном, / Думаете о смерти, / Никого не любите / И презираете свою красоту — / Что же? Разве я обижу вас? / О, нет! Ведь я не насильник, Не обманщик и не гордец, / Хотя много знаю, Слишком много думаю с детства / И слишком занят собой. / Ведь я — сочинитель, / Человек, называющий всё по имени, / Отнимающий аромат у живого цветка. / Сколько ни говорите о печальном, / Сколько ни размышляйте о концах и началах, / Всё же, я смею думать, / Что вам только пятнадцать лет. / И потому я хотел бы, / Чтобы вы влюбились в простого человека, / Который любит землю и небо / Больше, чем рифмованные и нерифмованные / Речи о земле и небе. / Право, я буду рад за вас, / Так как — только влюбленный / Имеет право на звание человека».

В 1910 году Елизавета Пиленко полюбила социал-демократа Дмитрия Кузьмина-Караваева, вышла за него замуж, но жила с ним всего три года. Второй ее брак — с Даниилом Скобцовым — также не стал вечным. В 1927 году она ушла от мужа, а после развода с ним в 1932 году постриглась в монахини и приняла имя матери Марии. Именно под этим именем Елизавета Пиленко стала известной культурному обществу современной Европы. Она жила во Франции и не покинула эту страну даже после того, как туда пришли немецкие фашисты. Матери Марии не удалось избежать ареста и заключения в концлагерь. 31 марта 1945 года она приняла мученическую смерть в одной из созданных на территории Германии фабрик по уничтожению людей под названием «Югендлагерь».

Судьба избавила Победоносцева от тяжелой участи наблюдать гибель России, которую он и предчувствовал, и предсказывал. Он умер 10 марта 1907 года, не дожив двух месяцев и одиннадцати дней до своего восьмидесятилетия. Прах его был захоронен у церкви во

имя Введения во храм Пресвятой Богородицы, находившейся на территории Свято-Владимирской церковно-учительской женской школы. В 1932 году рядом с ним была похоронена и его жена Екатерина Александровна Энгельгардт¹.

* * *

В русском обществе конца XIX — начала XX века устойчивым было мнение о всеилии Победоносцева, о его необъятной власти, сравнимой с властью самого императора. Данное мнение имело под собой определенные основания. Константин Петрович действительно сыграл решающую роль в появлении манифеста Александра III от 29 апреля 1881 года, в котором подтверждалась незыблемость неограниченной власти монарха и, таким образом, отвергались попытки ввести в России элементы представительного правления, предложенные группой сановников во главе с министром внутренних дел графом М. Т. Лорис-Меликовым. Собственно, и увольнение последнего с указанной должности, так же, как и его помощника — товарища министра внутренних дел Н. А. Милютина, было осуществлено Александром III по совету обер-прокурора К. П. Победоносцева. Последовавшее вслед за этим назначение на должность министра внутренних дел графа Н. П. Игнатьева также можно приписать влиянию Победоносцева. И замену Игнатьева на графа Д. А. Толстого Александр III произвел по внушению своего сурового наставника. С. Ю. Витте писал в своих мемуарах о том, что Победоносцев сыграл решающую роль в назначении в начале 1898 года министром народного просвещения Н. П. Боголепова². По словам Витте, «2 апреля 1895 г. товарищем министра внутренних дел был назначен по рекомендации Победоносцева Горемыкин»³. Осенью того же года И. Л. Горемыкин стал министром внутренних дел, и опять-таки по рекомендации Победоносцева. С. Ю. Витте рассказал в своих воспоминаниях, что на эту должность императору Николаю II были рекомендованы первоначально В. К. Плеве и Д. С. Сипягин. Одна-

¹ Могилы Константина Петровича и Екатерины Александровны Победоносцевых восстановлены в конце 90-х годов XX в. Они располагаются во дворе дома № 104 по Московскому проспекту, у алтарной, обращенной к востоку, части школьного храма. В здании бывшего школьного храма находится в настоящее время Свято-Введенская часовня.

² *Витте С. Ю.* Избранные воспоминания. М., 1991. С. 48.

³ Там же. С. 319.

ко когда Его Величество спросил Константина Петровича, каково его мнение об этих людях, тот ответил: «Плеве — подлец, а Сипягин — дурак». Поэтому государь и считал, — отметил Витте, — что как того, так и другого назначить нельзя»¹.

В дневниковых записях А. В. Богданович под датой за 18 декабря 1896 года есть любопытные слова: «Говорили Е. В. (Евгению Васильевичу Богдановичу, мужу Александры Викторовны. — В. Т.), что царь за последним обедом громко сказал, что Победоносцев рекомендовал ему много министров, а теперь начал рекомендовать корпусных командиров, хлопчет за Шипова»².

Читая письма К. П. Победоносцева к российским самодержцам, дневник Николая II, мемуары и дневниковые записи людей, входивших в рассматриваемое время в высшие правительственные сферы России, можно найти множество и других свидетельств несомненного влияния обер-прокурора Святейшего синода на ход государственных дел. Но в чем был секрет этого влияния, почему мнение человека, занимавшего далеко не самые высокие посты в сановитой иерархии Российской империи, столь часто принималось их императорскими величествами как команда к действию?

Думается, разгадка данного феномена таилась как в особенностях тогдашнего российского механизма властвования, так и в личности самого К. П. Победоносцева.

Существовавшая в России система самодержавной власти предполагала, чтобы решения по всем основным вопросам государственного управления принимались единолично императором. Однако совершенно очевидно, что один человек, каким бы выдающимся он ни был, не в состоянии охватить все государственные дела. Это хорошо осознавал Победоносцев. В одном из своих писем к императору Александру III он писал: «По идее все назначения, увольнения и пр. исходят от Высочайшей власти. Но ведь это одна **фикция**, ибо, без сомнения, о личностях в необъятной массе чиновников со всей России Ваше Величество не может иметь отдельного соображения»³. Подобным же образом можно было бы сказать не только

¹ Витте С. Ю. Избранные воспоминания. С. 322. См. в несколько ином изложении: Великий князь Алексей Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 147.

² Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 218.

³ Победоносцев К. П. Письмо к Александру III от 11 мая 1894 г. // Великая ложь нашего времени. С. 619.

о кадровом вопросе, но и о всех вообще вопросах государственного управления. Самодержец не мог иметь «отдельного соображения» о различных аспектах многочисленных государственных дел. Именно поэтому в России во все исторические эпохи существования самодержавной власти мы видим рядом с самодержцем какого-либо государственного деятеля, особо к его величеству приближенного, главного помощника самодержца в государственных делах, который нередко представляется обществу едва ли не вторым царем.

Таким человеком при императоре Александре I был граф А. А. Аракчеев. В русском обществе первой четверти XIX века, особенно в период после Отечественной войны 1812 года, было распространено мнение о том, что император отдал всю свою власть всесильному временщику. Граф Аракчеев действительно играл в механизме управления Российской империей чрезвычайно важную роль, однако совсем не ту, что приписывалась ему современниками. Возвысив этого государственного деятеля, приблизив его к своей августейшей персоне, император Александр I не отдал ему управление государством, а, напротив, взял это управление в свои руки так, как никогда прежде не брал. Временщик стал для него своего рода вспомогательным инструментом, посредством которого его августейший взор и руки могли проникать в такие уголки управляемого им пространства, в каковые они сами по себе никогда бы не проникли. Только с помощью вездесущего, необыкновенно энергичного, до предела исполнительного и умного Аракчеева император Александр I был в состоянии управлять Россией так, как хотел, то есть **все и вся** держа под своим контролем и влиянием, всеми сколько-нибудь важными делами заправляя. И при этом оставаясь всегда в тени, особенно тогда, когда требовалось предпринять такие меры, которые вызывали сильное раздражение и недовольство в обществе¹.

К. П. Победоносцев также был особого рода вспомогательным инструментом, с помощью которого самодержец (сначала Александр III, а затем — первую половину своего царствования — Николай II) управлял обширной империей. Однако Константин Петрович не был вторым Аракчеевым. Он являлся инструментом совершенно иного характера — совсем не таким, каким был Аракчеев.

¹ См. подробнее об этом: *Томсинов В. А.* Аракчеев. М.: Молодая гвардия, 2003. (Серия: «ЖЗЛ»). С. 276—319.

Новая историческая эпоха потребовала и нового управленческого инструмента.

В восьмидесятые годы XIX века по разным причинам резко возросло значение идеологического, духовного фактора в государственном управлении. Поэтому самодержцу требовался в качестве помощника-временщика в первую очередь государственный деятель—идеолог. К. П. Победоносцев подходил на эту роль во многих отношениях лучше других из сановного окружения императоров Александра III и Николая II.

Прежде всего, Константин Петрович был человеком *незаурядного ума*.

В. В. Розанов следующим образом описал одну из своих встреч с ним: «Вошел Победоносцев, светя умом и спокойствием: тем умом и спокойствием, какое я всегда любил в нем, как все приятное и красивое. Мне кажется, «своя думка», своя недодуманная дума и недоконченное размышление всегда были в нем, присущи ему были и днем и ночью. И от этого присутствия мысли в его лице, вот сейчас мысли, оно было духовно красивее других лиц, куда бы он ни входил, где бы он ни появлялся. Все остальные думают о «сейчас», и эта мысль о «сейчас» — коротенькая, малая. Победоносцев же, входя в обстановку «сейчас», нес на себе остатки и следы именно длинных мыслей, естественно, более важных и более красивых, чем обыкновенные»¹.

В июне 1899 года Розанов писал о Победоносцеве С. А. Рачинскому: «По уму собственно он выше, я думаю, Сперанского; но недоверие его к людям и вообще отсутствие молодой мощи наития отняло у него 1/2 добродетелей. Он все «крепит» и есть крепительная Россия», когда по отношению ко многому ее нужно «прочистить»... Но мне он как-то мил резкостью слова, быстротой жеста, всею страстностью сухой и высокой, и гибкой фигуры... Вы знаете, по циклу идей, мне теперь родных, я совершенно вне цикла его забот и симпатий: но он мне дорог как лицо, как моральный характер»².

Незаурядность ума в Победоносцеве признавали даже те, кто относился к нему с неприязнью. Правда, недруги Константина

¹ Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Литературные очерки о писателях и писательстве. М., 1996. С. 525.

² Письма к С. А. Рачинскому // Отдел рукописей РНБ. Фонд 631 (С. А. Рачинский). 1899. Июнь. Л. 77.

Петровича говорили не о светлом уме, как, например, Розанов, а о «циничном», «опасном», «вредном» и т. п.

Другое качество, которым отличался К. П. Победоносцев среди современных ему российских сановников, была *уникальная образованность*. С. Ю. Витте, отмечая в своих воспоминаниях «большой государственный ум» Победоносцева, одновременно писал о нем как о человеке «выдающегося образования и культуры»¹. По его словам, «можно иметь различные мнения о деятельности Победоносцева, но несомненно, что он был самый образованный и культурный русский деятель, с которым мне приходилось иметь дело»². В другом же месте своих воспоминаний Витте подчеркнул: «Это был человек, несомненно, высокодаровитый, высококультурный и в полном смысле слова человек ученый»³.

В. В. Розанов писал об интеллектуальности и культурности Победоносцева: «Весь период русской истории, который можно окрестить именем «время Победоносцева», — весь этот период, в той части, в которой он зависел от Победоносцева или был под давлением его, говоря словами поэта: “...Достоин слез и смеха...” Но вся эта глубокая бесполезность и даже прямая вредность Победоносцева для государства скрадывалась и затушевывалась его великою интеллигентностью. *Можно без преувеличения сказать, что за весь XVIII, XIX и тоже десять лет XX века в составе высшего нашего правительства не было ни одной подобной ему фигуры по глубокой духовной интересности, духовной красивости, духовной привлекательности...*»⁴ (курсив мой. — В. Т.).

В биографической литературе, посвященной К. П. Победоносцеву, высказывается мнение о том, что если бы он не отдал себя государственной деятельности, то из него получился бы выдающийся ученый. Наиболее последовательно это мнение проводит Е. М. Феоктистов, который пишет о Победоносцеве следующее: «Несомненно, что он обладал умом недюжинным, живым и отзывчивым, все его интересовало, ни к чему не относился он безучастно; образование его было многостороннее и основательное; не говоря уже о юридических и церковных вопросах, занимавших его издавна, и в литературе, и в науке, и даже в искусстве обнаруживал

¹ Витте С. Ю. Указ. соч. С. 422.

² Там же. С. 543.

³ Там же. С. 200.

⁴ Розанов В. В. Загадки русской провокации. Статьи и очерки 1910 г. М., 2005. С. 213.

он солидные сведения. Он все мог понять, и о многом судил верно. Если бы не случай, из него вышел бы замечательный деятель на ученом или литературном поприще...»¹.

Содержание произведений К. П. Победоносцева свидетельствует, однако, что **идеолог** все же брал в нем верх над **ученым**. И в лекциях своих, и в статьях, и в книгах он не столько учил, сколько воспитывал. Неудивительным поэтому было то, что в организации народного образования он главный упор делал не на обучение, а на воспитание. Именно поэтому в системе начального образования он отдавал предпочтение церковно-приходским школам. «Понятие «народное» о школе, — писал Победоносцев, — есть истинное понятие, но, к несчастью, его перемудрили повсюду в устройстве новой школы. По народному понятию, школа учит читать, писать и считать, но, в нераздельной связи с этим, учит знать Бога и любить Его и бояться, любить Отечество, почитать родителей. Вот сумма знаний, умений и ощущений, которые в совокупности своей образуют в человеке совесть и дают ему нравственную силу, необходимую для того, чтобы сохранить равновесие в жизни и выдерживать борьбу с дурными побуждениями природы, с дурными внушениями и соблазнами мысли»².

В своих письмах к различным лицам Победоносцев неоднократно и с глубоким сожалением говорил о том, что в обществе господствует совершенно ложное представление о его роли в государственных делах. «С давних времен люди и европейские, да и русские, не знающие, чем и как движутся наши административные пружины, воображают, что все, что ни исходит в России от правительства, движется волею или прихотью кого-нибудь одного, кто в ту или другую минуту считается влиятельною силою, так сказать, «первым по фараоне» лицом, — писал Константин Петрович в письме к П. А. Тверскому от 19 февраля 1900 года. — И вот, к несчастью, утвердилось всюду фантастическое представление о том, что я — такое лицо, и сделали меня козлом отпущения за все, чем те

¹ Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы. 1848—1896. М., 1991. С. 219.

² Победоносцев К. П. Сочинения. СПб., 1996. С. 309. Императору Николаю II свою приверженность к церковно-приходским школам Константин Петрович объяснял следующим образом: «В народе вся сила государства, и убережь народ от невежества, от дикости нравов, от разврата, от губительной заразы нелепых возмутительных учений — можно уберечь только посредством церкви и школы, связанной с церковью».

или другие недовольны в России, и на что те или другие негодуют. Так, взвалили на меня и жидов, и печать, и Финляндию — и вот еще духоборов — дела, в коих я не принимал никакого участия, — и всякие распоряжения власти, в коих я нисколько неповинен. Таковую тяготу так называемого общественного мнения приходится переносить — нельзя и опровергать ее, да никто и не поверит, так укоренилась уже иллюзия неведения, невежества и предрассудка»¹. Отрицая свое воздействие на движение «административных пружин», Победоносцев не лукавил. Никогда, ни в какой период своей чиновной карьеры не имел он таких властных полномочий, которые бы давали ему возможность оказывать существенное воздействие на ход государственных дел. Занимая должность обер-прокурора Святейшего синода, соответствовавшую на практике должности министра, Победоносцев присутствовал на заседаниях Комитета министров. Кроме того, он был членом нескольких комитетов и комиссий, создававшихся для решения различных государственных вопросов, разработки тех или иных законопроектов². В любом случае его административные полномочия были весьма ограниченными по своему характеру.

Тем не менее, никуда не уйти от факта — в течение целой четверти века, с 1881 по 1905 год, этот человек являлся самым влиятельным сановником Российской империи. Разгадка указанного противоречия проста — влияние Победоносцева на политику российской государственной власти было влиянием не властителя, которому повинуются под страхом наказания или добиваясь наград, но **идеолога**, завораживающего логикой своих суждений. Эта особенность Победоносцева как государственного деятеля не укрылась от взора некоторых проницательных его современников. Публицист

---

¹ *Тверской П. А.* Из деловой переписки с К.П. Победоносцевым. 1900—1904 гг. // Вестник Европы. 1907. Кн. 12. С.654. Об этом же, но другими словами Победоносцев писал Тверскому и в августе 1902 г. («И вообще знайте, что где является мое имя, там — ложь. Оно употребляется как соль, ибо сколько уже лет, как с ним иностранная сплетня связывает все, что делается в России — тогда как вот уже лет десять как я ни в каких делах, кроме церковных, не участвую»), и в конце 1904 г. См.: *Тверской П. А.* Указ. Соч. С. 664, 667.

² Комиссии для составления проектов законоположений о преобразовании судебной части при Государственной канцелярии, действовавшей в 1862—1865 гг., Особой комиссии о введении мировых судебных установлений в Прибалтийских губерниях (1877—1880 гг.), Особой комиссии для предварительного обсуждения проектов учреждения вотчинных установлений и вотчинного устава (1896—1904 гг.) и др.

М. Ростовцев писал в 1907 году в газете «Пензенские Губернские Ведомости», откликаясь на его смерть: «В русской гражданской истории мы знаем две таких крупных типичных фигуры: Сперанский и Победоносцев, кстати, оба из духовного звания. Не по родству или свойству, без заимствования и унижения пред сильными мира, эти два человека выдвинулись на роль первостепенных государственных деятелей. Говоря о последнем, можно сказать, что его деятельность в течение 25 лет — история России за этот период. По его воле мы неуклонно шли назад, хотя все чувствовали необходимость идти вперед. Победоносцева считали злым гением России, но его логике, **точно загипнотизированные**, подчинялись все те, которые от него **нисколько не зависели**» (выделено мною. — В. Т.).

К приведенному высказыванию необходимо только сделать одно важное уточнение: Победоносцев убеждал не только *логикой*, но и *чувством*, которое вкладывал в свои слова. В. В. Розанов в своем эссе-отклике на смерть К. П. Победоносцева, опубликованном в газете «Русское слово» 13, 18 и 27 марта 1907 г., вспоминает о том, как однажды он сидел в гостях у митрополита Антония. В разгар беседы было объявлено о прибытии Константина Петровича. «Сейчас же, — пишет Розанов, — отворилась дверь, и вошел Победоносцев. Он был так же **жив и умственно красив**, как всегда... Победоносцеву сейчас был подан стакан чаю, и он весело разговорился со всеми нами, конечно, насчет тех предсмысленных дней, которые тогда текли (время Плеве). Между другими речами его была та, что «невозможно жить в России и трудиться, не зная ее, а зная Россию... многие ли у нас ее знают? Россия, это — бесконечный мир разнообразий, мир бесприютный и терпеливый, совершенно темный: а в темноте этой блуждают волки»... Он хорошо выразил последнюю мысль, **с чувством**. Кажется, буквально она звучала так: «дикое темное поле и среди него гуляет *лихой человек*»... Он сказал с враждой, опасением и презрением последнее слово. Руки его лежали на столе:

— А когда так, — кончил он, — то ничего в России так не нужно, как *власть*; власть против этого лихого человека, который может наделать бед в нашей темноте и голодье пустынной.

И пальцы его огромно сжались, как бы хватая что-то»¹ (выделено мною. — В. Т.).

¹ Розанов В. В. К. П. Победоносцев // Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. М., 1996. С. 529.

Победоносцев говорил и писал не только умом, но и сердцем. Он убеждал других в своей правоте во многом потому, что искренне верил в истинность своих суждений. Адвокат и публицист В. В. Беренштам приводит в своих мемуарах любопытное высказывание В. А. Манасеина, лично знавшего Константина Петровича: «Знаете, — говорил мне Вячеслав Авксентьевич, — ведь Победоносцев — искренний человек. Он, несомненно, ханжа, но это глубоко искренний человек. Я видел его в 60-х годах, когда все кругом либеральничали, когда нужно было иметь большое мужество, буквально отвагу, чтобы в профессорской среде не быть либералом. И в это самое время Победоносцев, подходя к монастырю, становился на колени, вставал и, поминутно падал на колени, полз по земле к храму. Вот каков это человек! Вы посмотрите, какой он и убежденный человек! Вы прочтите его «Московский сборник». Ведь это написал 69-летний старик, а сколько тут полемического задора! И как много ни сделал Победоносцев зла России, это человек никогда не лгал и всегда сам был искренне убежден в пользе того, что делал»¹.

«Московский сборник», о котором упомянул В. А. Манасеин, весьма необычное произведение. Впервые оно было издано в 1896 году, в том же году вышло в свет вторым и третьим изданиями, в 1897 году — четвертым, а в 1901-м — пятым изданием. По жанру — это сборник статей, посвященных различным аспектам общественной жизни России. И хотя немало мыслей в содержании «Московского сборника» Победоносцев заимствовал у тех или иных иностранных писателей, данным произведением он ярко выразил свое собственное мировоззрение. Нигде, пожалуй, Победоносцев не раскрывается в своих качествах идеолога в такой степени, как на страницах «Московского сборника»².

Через все это сочинение он последовательно проводил мысль о пагубности политических и юридических учреждений, оторванных от исторических устоев общества, не соответствующих быту и сознанию народа. Такими учреждениями Победоносцев считал для России институты западной демократии — парламент, так называемую «свободную» печать, суд присяжных и т.п.

¹ *Беренштам В. В.* Из пережитого. Около войны. Заметки адвоката. Воспоминания. Пг., 1915. С. 178.

² По некоторым сведениям, содержание данного произведения составили лекции, читавшиеся Победоносцевым наследникам российского престола цесаревичам Николаю Александровичу, Александру Александровичу и сыну последнего Николаю Александровичу — будущему императору Николаю II.

«Если бы потребовалось истинное определение парламента, — писал Победоносцев в статье «Московского сборника» с примечательным названием «Великая ложь нашего времени», — надлежало бы сказать, что парламент есть *учреждение, служащее для удовлетворения личного честолюбия и тщеславия и личных интересов представителей*. Учреждение это служит не последним доказательством самообольщения ума человеческого. Испытывая в течение веков гнет самовластия в единоличном и олигархическом правлении и не замечая, что пороки единовластия суть пороки самого общества, которое живет под ним, люди разума и науки возложили всю вину бедствия на своих властителей и на форму правления, и представили себе, что с переменою этой формы на форму народовластия или представительного правления общество избавится от своих бедствий и от терпимого насилия. Что же вышло в результате? Вышло то, что *mutato nomine* все осталось в сущности по-прежнему, и люди, оставаясь при слабостях и пороках своей природы, перенесли на новую форму все прежние свои привычки и склонности. Как прежде правит ими личная воля и интерес привилегированных лиц; только эта личная воля осуществляется уже не в лице монарха, а в лице предводителя партии, и привилегированное положение принадлежит не родовым аристократам, а господствующему в парламенте и правлении большинству... На фронте этого здания красуется надпись: «Все для общественного блага». Но это не что иное, как самая лживая формула; парламентаризм есть торжество эгоизма, высшее его выражение. Все здесь рассчитано на служение своему я»¹.

Не соответствующим общественным условиям России Победоносцев считал и суд присяжных. Данное учреждение, отмечал он, усиливает случайность приговоров даже в тех странах, где существует «крепкое судебное сословие, веками воспитанное, прошедшее строгую школу науки и практической дисциплины». «Можно себе представить, — продолжал он, — во что обращается это народное правосудие там, где в юном государстве нет и этой крепкой руководящей силы, но взамен того есть быстро образовавшаяся толпа адвокатов, которым интерес самолюбия и корысти сам собою помогает достигать вскоре значительного развития в искусстве софистики и логомахии, для того чтобы действовать на массу; где действует пестрое, смешанное стадо присяжных, собираемое или слу-

¹ Победоносцев К. П. Московский сборник // Победоносцев К. П. Сочинения. СПб., 1996. С. 286.

чайно, или искусственным подбором из массы, коей недоступны ни сознание долга судьи, ни способность осилить массу фактов, требующих анализа и логической разборки; наконец, смешанная толпа публики, приходящей на суд как на зрелище посреди праздной и бедной содержанием жизни; и эта публика в сознании идеалистов должна означать *народ*»¹.

Еще более резкой критике Победоносцев подвергал «так называемую свободу печати». По его мнению, данное явление есть «одно из безобразнейших логических противоречий новейшей культуры, и всего безобразнее является оно именно там, где утвердилось начала новейшего либерализма, — именно там, где требуется для каждого учреждения санкция выбора, авторитет всенародной воли... От одного только журналиста, власть коего практически на все простирается, не требуется никакой санкции. Никто не выбирает его и никто не утверждает»². Судья, указывает Победоносцев, имея правомочие карать нашу честь, лишать нас имущества и свободы, получает его от государства. Он должен продолжительным трудом и испытанием готовиться к своему званию. Он связан строгим законом, он действует под контролем высшей власти, приговор его может быть изменен и исправлен. «А журналист имеет полнейшую возможность запятнать, опозорить мою честь, затронуть мои имущественные права; может даже стеснить мою свободу, затруднив своими нападкамиили сделав невозможным для меня пребывание в известном месте. Но эту судебскую власть надо мною сам он себе присвоил: ни от какого высшего авторитета он не принял этого звания, не доказал никаким испытанием, что он к нему подготовлен, ничем не удостоверил личных качеств благонадежности и беспристрастия, в суде своем не связан никакими формами процесса, и не подлежит никакой апелляции в своем приговоре... Итак, можно ли представить себе деспотизм более насильственный, более безответственный, чем деспотизм печатного слова? И не странно ли, не дико ли и безумно, что о поддержании и охране именно этого деспотизма хлопочут все более ожесточенные поборники *свободы*, вопиющие с озлоблением против всякого насилия, против всяких законных ограничений, против всякого стеснительного распоряжения *установленной власти*? Невольно приходит на

¹ Победоносцев К. П. Суд присяжных // Победоносцев К. П. Сочинения. С. 300.

² Победоносцев К. П. Печать // Там же. С. 303.

мысль вековечное слово об умниках, которые совсем обезумели от того, что возомнили себя мудрыми»¹.

Многое из того, что было высказано Победоносцевым в «Московском сборнике», можно встретить в его записках императорам и письмах различным лицам. Так, в марте 1903 года Константин Петрович писал П. А. Тверскому, поселившемуся в американском городе Лос-Анжелос: «Вы, выехав из России, стоите на той же точке, на какой тогда были, веруя в благодетельное значение каких-то реформ в смысле новой свободы. Но вера в «учреждения», оторванные от жизни и от народа, ничего не принесла нам, кроме лжи и стеснения истинной свободы, ибо мы стали так опутаны учреждениями, что деваться некуда. И те, кои проводили их, пустив их в народ, успокоивались, воображая, что учреждения сами себя движут и оживят что-то. Но у нас без руководства ничто само собой не оживает. Славянская раса не то, что англо-саксонская, скандинавская и даже немецкая: там дух партикуляризма и крепкого индивидуального развития; у нас — обязанность. И так вышло, что мы наряжены все в какое-то чужое платье, сшитое родным портным Васьюкою, и не можем в нем двигаться»². В записке о реформе судебных учреждений, поданной Победоносцевым императору Александру III осенью 1885 года³, Константин Петрович говорил о суде присяжных примерно то же самое, что позднее опубликовал в «Московском сборнике». «Учреждение присяжных в уголовном суде оказалось в России совершенно ложным, совсем несообразным с условиями нашего быта и с устройством наших судов, и, как ложное в существе своем и в условиях, послужило и служит к губительной деморализации общественной совести и к извращению существенных целей правосудия... Присяжные, случайно набираемые большей частью не из крепких, а из слабых и зависимых людей в обществе, предоставлены случайному воздействию на них всяких сторонних влияний со стороны адвоката, со стороны публики, со стороны господствующего в настоящую минуту предрассудка, со стороны лица наиболее главного в среде их самих, наконец, — со стороны подкупа и уговора, — чему были уже, к сожалению, неоднократные при-

¹ Победоносцев К. П. Печать // Победоносцев К. П. Сочинения. С. 303—304.

² Тверской П. А. Из деловой переписки с К. П. Победоносцевым... С. 665.

³ 2 ноября 1885 г. император Александр III написал К. П. Победоносцеву: «Благодарю очень за присланную записку о реформе судебного строя».

меры. От этого учреждения необходимо нам отделаться, дабы восстановить значение суда в России»¹.

Таким образом, мотивы «Московского сборника» звучат во всем литературном творчестве К. П. Победоносцева. Последовательный в проведении своих политических взглядов, непоколебимый в своей правде, проницательный мыслитель, наконец — полемист, мастерски владевший пером, — он был самым серьезным противником ненавистников исторической России, скрывавшихся под личиной либералов или революционеров. Бессильные опрокинуть стройные ряды его мыслей, они отказались от прямого, честного сражения с подлинным Победоносцевым. Вместо этого вылепили себе некое чучело, внешне похожее на него, обклеили его разными ярлыками и стали лупить. И лупили с таким неистовством, что, кажется, в конце концов поверили, что лупят не чучело, а настоящего Победоносцева.

Александр Блок, поэт милостью Божьей, писал во вступлении ко второй части своей поэмы «Возмездие»:

*«В те годы дальние, глухие
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи,
А только — тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стекланным взором колдуна...»*

Любопытно, что в этих словах А. Блока тогдашние либералы увидели карикатуру на всесильного временщика эпохи правления Александра III. Подобный взгляд на приведенный стих Блока о Победоносцеве, к сожалению, присутствует и в современной литературе².

Между тем на самом деле Блок не только не окарикатурил Победоносцева в приведенном стихе, а напротив — окутал его облаком симпатии и даже восхищения. Сова еще с древних времен яв-

¹ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Том 1. М.—Пг., 1923. С. 510—511.

² См., например: Смолярчук В. И. А. Ф. Кони и его окружение. М.: Юридическая литература, 1990. С. 262.

ляется символом **мудрости**. Победоносцев — мудрец, который «*дивным кругом очертил Россию, заглянув ей в очи*»! ...И колдун, трясущийся над своим сокровищем, и это сокровище — конечно же, Россия. **Его драгоценная Россия, смысл всей его жизни, главный объект его помыслов, единственная и неповторимая — ради которой он жил и творил!**

* * *

В русском общественном сознании К. П. Победоносцев всегда воспринимался прежде всего как государственный деятель и идеолог. При этом в тени оставалась другая, не менее интересная его роль — роль ученого-правоведа. Те из российских юристов, кто был знаком с юридическими сочинениями Победоносцева, высоко оценивали его как специалиста в области юриспруденции. Так, А. Э. Нольде писал в 1907 году в статье-некрологе, посвященной Победоносцеву: «Политическая известность его заслонила собой более скромную и менее бросающуюся в глаза ученую его деятельность. А между тем она заслуживает внимания; сочинения К. П. Победоносцева по вопросам гражданского права и, в частности, капитальный труд его в этой области «Курс гражданского права», имели в свое время большое значение для научной разработки этой дисциплины, да и в настоящее время не утратили его. На них лежит своеобразный отпечаток, и в нашей юридической литературе они занимают видное место»¹. «Всемирно известно значение и характер курса гражданского права К. П. Победоносцева, — писал в 1896 г. Б. В. Никольский. — Теоретическая сторона курса не встретила похвал и одобрения от представителей нашей юридической науки, но практический характер книги сделал ее одним из трех устоев, которыми держится наша цивилистика: это — 10-й том Свода законов, «История Российского законодательства»² Неволлина и «Курс» К. П. Победоносцева»³.

Над своим самым значительным юридическим произведением Константин Петрович работал по меньшей мере 20 лет. Первая

¹ Нольде А. Э. Обзор научной юридической деятельности К. П. Победоносцева // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. № 8. С. 237.

² Б. В. Никольский имел в виду вышедшие в 1851 г. в Санкт-Петербурге три тома книги К. А. Неволлина «История российских гражданских законов». (2-е издание вышло в свет в 1857 г.).

³ Никольский Б. В. Литературная деятельность К. П. Победоносцева. (По поводу пятидесятилетнего юбилея) // Исторический вестник. 1896. № 9. С. 724—725.

часть «Курса гражданского права» была закончена им в феврале 1868 года. В том же году она вышла в свет под названием «Вотчинные права»¹. Вторую часть «Курса» Победоносцев назвал «Права семейственные, наследственные и завещательные». Он выпустил ее в свет в 1871 году². Третья часть «Курса» — «Договоры и обязательства» — была издана только в 1880 году³. До 1897 года — юбилейного для Победоносцева — его фундаментальный труд по гражданскому праву неоднократно переиздавался, и история этих переизданий по своему любопытна. Вот главные вехи ее: в 1875 году была переиздана вторая часть «Курса», в 1876 году вышла вторым изданием первая его часть, в 1890 году — третья. В 1883 году было выпущено третье издание первой части, а в 1889 году — второй. В 1892 году вышло в свет четвертое издание первой части. Наконец, в 1896 году выходит последнее его издание и впервые одновременно во всех трех частях⁴. Новые издания «Курса» мало чем отличались от первого его издания — автор всего лишь учел некоторые изменения в действующем гражданском законодательстве, да вставил несколько новых рассуждений.

В предисловии к «Курсу» Победоносцев следующим образом характеризовал избранный им способ описания русского гражданского права: «В изложении главной моею целью было способствовать полнейшему по возможности разъяснению понятий о главных предметах гражданского права. С этой целью выбрал я сравнительную методу изложения и старался прежде всего в начале каждой статьи указывать на основную идею учреждения, потом переходил к объяснению учреждения, в отличительных его чертах, по римскому, французскому и германскому праву. Затем уже, приготовив в уме слушателя или читателя по возможности полный и закругленный образ учреждения, приступал я к изложению его по русскому закону, с предварительным очерком его происхождения и ис-

¹ См.: *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. Часть 1. Вотчинные права. СПб., 1868.

² См.: *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. Часть 2. Права семейственные, наследственные и завещательные. СПб.; М., 1871.

³ См.: *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. Часть 3. Договоры и обязательства. СПб.; М., 1880.

⁴ Текст этого издания был воспроизведен издательством «Зерцало» в 2003 г. в трех томах серии «Русское юридическое наследие». См.: *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. В трех томах / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003.

торического развития на нашей почве. Таким образом, по моему расчету, читателю возможно было бы в потребных случаях судить, в чем русский закон учреждения соответствует или не соответствует общему его типу, как он выразился в истории, в экономике и в праве Западной Европы»¹.

«Курс гражданского права» Победоносцева содержал мало теоретических рассуждений о правовых институтах, в нем почти отсутствовали общие определения, система изложения материала в «Курсе» во многом повторяла систему X тома «Свода законов Российской империи». Победоносцев создал, по существу, не только учебник по гражданскому праву, но и настоящее *практическое руководство* для юристов, призванных вести дела по гражданскому праву. Не случайно цитаты из его «Курса» в 70—80-х годах XIX века неоднократно приводились в решениях Гражданского кассационного департамента Сената для обоснования той или иной позиции.

Подобного рода произведения обыкновенно мало что говорят о личности их автора, о его мировоззрении и пристрастиях. «Курс гражданского права» Победоносцева стал в этом смысле исключением из правила. Нигде, пожалуй, характер Победоносцева как правоведа не проявился так выпукло, как в этом его произведении. «Этой своей книгой Победоносцев создал науку русского гражданского права; он по справедливости может назваться отцом и родоначальником этой науки, — писала газета «Россия» в 1907 году (№ 399). — Все то, что было в этой области до него — это или сколки с иностранных книг, или изложение законов, или, на лучший конец, приспособление общей теории гражданского права к русскому закону. Впервые Победоносцев с замечательным проникновением в русскую историю и русский правовой дух дает самобытное и вместе с тем высоко научное изложение гражданского права русского народа. Пройдет еще не одно поколение русских юристов, но книга Победоносцева останется исходной точкой для всякой научной работы в этой области»². Высоко оценивал «Курс гражданского права» Победоносцева и такой видный российский правовед-цивилист, как Г. Ф. Шершеневич. По его словам, «в лице г. Победоносцева мы видим совершенно особый тип юриста, не под-

¹ Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Часть 1. Том 1. С. II.

² Цит. по: Преображенский И. В. Константин Петрович Победоносцев, его личность и деятельность в представлении современников его кончины. СПб., 1912. С. 101.

ходящий к большинству русских ученых. Не поддаваясь влиянию западной науки, не связанный выводами предшествовавших русских ученых, г. Победоносцев отличается полной самостоятельностью взглядов на исторические и догматические вопросы русского права. Спокойный и тонкий анализ, бесстрастное изложение, упорный консерватизм в вопросах *de lege ferenda* — таковы отличительные черты г. Победоносцева как ученого... Мы не преувеличим, если сравним г. Победоносцева с римским юристом. Как и последний, г. Победоносцев опасается обобщений, избегает определений, предпочитая описание фактов, но зато поражает логичностью рассуждений, когда дело касается толкования действующего законодательства. Следить за автором в его заключениях и таким путем приобрести способность к самостоятельным юридическим решениям — такова главная польза, которую можно получить при чтении. Если курс Мейера¹ врезывает в памяти читателя систему гражданского права, что имеет несомненное громадное значение для юриста, то курс Победоносцева приучает к цивилистическому мышлению и с этой стороны является лучшей школой для догматиков².

К. П. Победоносцев в полной мере сознавал своеобразие русского права, его укорененность в прошлом. «Наши вотчинные отношения весьма разнообразны и покуда мало еще исследованы наукою: на практике же и в экономии нашего быта из них возникает множество своеобразных вопросов, которые или неизвестны вовсе, или давно утратили свое значение в экономии западноевропейского общества»³, — писал он в приложении к 1-й части своего «Курса гражданского права». Среди современных ему российских правоведов Константин Петрович славился своим знанием истории русского права. Исторической эволюции различных правовых институтов в русском обществе он посвятил свои первые научные работы в области юриспруденции, публиковавшиеся в течение 50—60-х годов XIX века в различных журналах, главным образом в «Русском

¹ Г. Ф. Шершеневич имеет здесь в виду курс профессора Д. И. Мейера «Русское гражданское право». Начальные лекции этого курса вышли в свет через два года после смерти Мейера — они были опубликованы в 1858 г. в 1-й и 2-й книгах «Ученых записок Императорского Казанского университета».

² Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права в России. Казань, 1893. С. 88—89.

³ Победоносцев К. П. Изучение и литература вотчинного права // Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Ч. 1. Т. 2. СПб., 1868. С. 220.

вестнике»¹. Изучать историю русского юридического быта Константин Петрович не переставал и в дальнейшем — в те времена, когда был уже обер-прокурором Святейшего синода. Он продолжал работать в архивах, делать выписки из различных документов², а также из «Полного собрания законов Российской империи»³. «Курс гражданского права» Победоносцева покоился, таким образом, на фундаменте глубокого знания автором исторических реалий русской правовой культуры.

Свой метод познания права, основанный на изучении текстов правовых памятников, архивных актов, судебной практики, Константин Петрович рекомендовал применять всем начинающим юристам. В частности, тем, кто приступает к изучению институтов гражданского права, он советовал сперва «приобрести знакомство с общими началами науки гражданского права, затем возбудить и воспитать в себе логическую последовательность юридического мышления». По его мнению, лучшим средством к этому «для человека еще не испробованного на практической деятельности может служить не просто чтение, но внимательное и серьезное изучение одного из классических творений, которыми может похвалиться германская юридическая литература»⁴. В качестве такого творения Победоносцев называл книгу Ф. К. Савиньи «System des heutigen römischen Rechts», которую он характеризовал как «несравненную по строгости юридического анализа, по основательности выводов, по простоте приемов мышления и по изяществу юридического слога»⁵. Кроме того, Победоносцев рекомендовал начинающим юристам прочитать хорошее французское сочинение по гражданскому праву. По его словам, такое чтение будет «полезно по ясности и практичности изложения, которыми отличаются сочинения этого рода во Франции»⁶.

¹ Позднее он выпустил их в свет в отдельном сборнике. См.: *Победоносцев К. П. Исторические исследования и статьи*. СПб., 1876.

² Собрание этих своих выписок он издал отдельной книгой. См.: *Историко-юридические акты переходной эпохи XVII и XVIII веков, собранные К. П. Победоносцевым*. М., 1887. Дополнение к этим выпискам под названием «Материалы для истории приказного судопроизводства» было опубликовано в 1890 г. в «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете».

³ Эти выписки были изданы Победоносцевым отдельной книгой в 1895 г.

⁴ *Победоносцев К. П. Изучение и литература вотчинного права...* С. 221.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

После всего этого Победоносцев советовал всем тем, кто начинает изучать русское право, обратиться к «Полному собранию законов Российской империи». Он рекомендовал всякому «истинно жаждущему знания» приняться за чтение данного собрания, начиная с первого тома. «Многим может показаться странен такой совет, — пояснял Константин Петрович, — но смею уверить всякого, что такое чтение, в начале, правда, требующее некоторых усилий, вскоре окажется интересным, а для иных и увлекательным чтением. С каждым томом читатель станет входить в силу и живее почувствует в себе драгоценнейший плод внимательного труда — здоровое и дельное знание, то самое знание, которое необходимо для русского юриста и которым русские юристы, к сожалению, так часто пренебрегают, питаясь из источников иноземных: незаметно воспринимая они в себя понятия возникшие посреди истории чужого народа, усваивают начала и формы на чужой почве образовавшиеся и связанные с экономией такого быта, который далеко отстоит от нашего: естественно, что отсюда родится ложное понятие о потребностях нашего юридического быта и о средствах к их удовлетворению, пренебрежение или равнодушие к своему, чего не знают, и преувеличенное мнение о пользе и достоинстве многого такого, что хорошо и полезно там, где из своего быта выросло, но криво и лживо оказывается там, где нет соответствующей почвы и соответствующих условий исторических и экономических. Такое знание невозможно признать здоровым и истинным, как отрешенное от жизни, следовательно от истины. Напротив, тем и дорого изучение нашего полного Собрания законов для русского юриста, что здесь каждое явление юридическое, каждое положение представляется в связи со всею обстановкою быта, со всеми данными историческими, и в совокупности с ними объясняется. Сверх того, великую пользу приносит такое чтение еще и потому, что осваивает читателя с чистотою и ясностью слога, которым писаны первые памятники законодательства — уложение и новоуказные статьи: ясность, определительность и чистота русской речи — качество необходимое для юриста, правая рука, без которой обойтись ему невозможно, а этого свойства надобно искать в исторических памятниках, ибо образцы позднейшего законодательного стиля не отличаются ни чистотою, ни ясностью речи, носящей на себе следы иноязычной конструкции, иноязычных форм и понятий. Словом сказать, изучение первого полного Собрания Законов составляет, по моему мнению, необходимость для русского юриста, и лучшей

школы для него прибрать невозможно, как это школа мертвых, но красноречиво говорящих памятников, ибо у нас нет еще живой и постоянно действующей школы для образования русского юриста, той школы, которая воспитывает человека совокупным действием предания, живого авторитета и живой практической деятельности»¹.

Такой метод изучения русского права был вполне оправдан в то время, когда Победоносцев создавал свой «Курс гражданского права». Он соответствовал и уровню развития русской теоретической юриспруденции в тот период, и характеру самого русского права. Действовавшее в России гражданское законодательство складывалось из актов, принятых в различные исторические эпохи. Поэтому уяснить суть того или иного правового института можно было только путем последовательного изучения всей тянувшейся из далекого прошлого цепи законов, посредством рассмотрения правовых норм в контексте той исторической обстановки, в которой они возникли и развивались.

Но данный метод изучения гражданского права, проповедовавшийся Победоносцевым, имел наряду с достоинствами и целый ряд недостатков. Все они проявились в содержании «Курса гражданского права». «Обширная начитанность К. П. Победоносцева как в законодательных материалах, так и в исторической литературе, — отмечал А. Э. Нольде, — дала ему возможность остановиться на таких явлениях, которые до него были только в малой степени вовлечены или и вовсе не вовлечены в область цивилистических исследований»². Это, например, институт родовых имуществ и различные, унаследованные от старины типы землевладения, учение об основаниях и доказательствах вотчинного права, межевание и т. п. Вместе с тем Нольде констатировал, что в исследовании ряда правовых институтов метод Победоносцева оказался неплодотворным. Это, как правило, институты, относительно которых в X томе «Свода законов Российской империи» имелись значительные пробелы, — институт договоров в пользу третьих лиц, иски из неосновательного обогащения, авторское право и др.

Тем не менее многие российские правоведы, и А. Э. Нольде в их числе, признавали, что по богатству материалов, в нем собранных, «Курс гражданского права» К. П. Победоносцева не имел себе равных.

¹ Победоносцев К. П. Изучение и литература вотчинного права... С. 222—223.

² Нольде А. Э. Указ. соч. С. 107.

Помимо гражданского права, Победоносцев профессионально занимался также проблемами гражданского судопроизводства. Он опубликовал по этой отрасли юриспруденции множество своих статей, записок и заметок. В 1872 году вышла в свет его книга под названием «Судебное руководство. Сборник правил, положений и примеров извлеченных из теории и практики гражданского судопроизводства». Литографическим способом была размножена запись лекций Победоносцева по курсу гражданского судопроизводства, читавшихся им на юридическом факультете Московского университета с 15 января по 21 марта 1863 г.¹ В 1865 году в газете «Московские ведомости» (14, 15, 16, 17, 28, 30 апреля и 1 мая) Константин Петрович опубликовал анонимно серию статей-передовиц о судебной реформе².

Главная мысль, которую Победоносцев проводил в своих статьях, записках и заметках относительно судебной реформы, заключалась в том, что преобразования судебной организации и судебного процесса, узаконенные судебными уставами 1864 года, не были обеспечены необходимым числом соответствующих исполнителей — квалифицированных и честных судебных деятелей. «Не учреждения сами по себе, не тот механизм, который проектирован для них в судебных уставах, составляют желанную цель преобразования, — подчеркивал Победоносцев, — учреждения эти, в новой своей организации, суть только средство для достижения цели, а целью служит утверждение в судебной практике основных начал правого и разумного суда»³. Отсутствие достаточного числа надлежащих исполнителей Константин Петрович считал самым серьезным препятствием к достижению данной цели. Обращаясь осенью 1885 года к императору Александру III, он писал: «В Российском государстве не может быть отдельных властей, независимых от центральной власти государственной. Возведенная в принцип абсолютная несменяемость судебных чинов представляется в России аномалией странной и ничем не оправдываемой, ибо в нашей истории не могло образоваться донныне особое судебное сословие, крепкое знанием, преданием и опытом и связанное чувством и сознанием корпоративной чести. При недостатке людей твердых и успевших прой-

¹ См.: Гражданское судопроизводство. Лекции профессора К. П. Победоносцева. М., 1863. Рукопись имеет 354 страницы.

² См.: *Победоносцев К. П. Сочинения.* СПб., 1996. С. 35—64.

³ Там же. С. 50.

ти правильную школу опыта, приходится при замещении судейских должностей довольствоваться деятелями юными и мало опытными и представлять им деятельность в среде губернского и уездного быта, которая, как известно, у нас еще неспособна сама воспитывать и направлять общественных деятелей. Очевидно, что прививать к таким должностным лицам сознание внешней независимости от властей и права несменяемости — не дело здоровой политики и служит не столько к нравственному укреплению судебного сословия, сколько к его деморализации, что мы и видим на самом деле»¹.

В данном случае отчетливо проявилась характерная черта мышления Победоносцева-правоведа — его стремление видеть во всех политических и правовых институтах их социальную основу, оценивать данные институты с точки зрения их воздействия на общественную нравственность. «Закон, — отмечал он, — с одной стороны, *правило*, с другой стороны — *заповедь*, и на этом понятии о заповеди утверждается нравственное сознание о законе... Об этом высоком и глубоком значении закона совсем забывает новое учение и новая политика законодательства. На виду поставлено одно лишь значение закона, как правила для внешней деятельности, как механического уравнивателя всех разнообразных отправлений человеческой деятельности в юридическом отношении. Все внимание обращено на анализ и на технику в созидании законных правил. Бесспорно, что техника и анализ имеют в этом деле великое значение; но, совершенствуя то и другое, разумно ли забывать основное значение законного правила»².

Творческое наследие Победоносцева не исчерпывается вышеприведенными мыслями. Они — всего лишь отдельные крупинки из того кладезя мудрости, который этот человек оставил после себя. Мудрость сия печальна — печальна оттого, что не обветшала с прошествием времени, осталась столь же злободневной, каковой была столетие назад. К какой бы сфере современного русского общества мы ни обратились — будь то: представительные учреждения, судебная система, средства массовой информации, идеология и т. д. — везде обнаруживаются те же самые пороки, о которых с горечью писал когда-то Победоносцев. И по-прежнему актуальным оста-

¹ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Том 1. М.—Пг., 1923. С. 508.

² *Победоносцев К. П. Сочинения.* С. 317—318.

ся тот призыв, с которым он обращался в далеком 1876 году к тогдашнему наследнику царского престола цесаревичу Александру — будущему императору Александру III: «**Как давно нам надо было понять, что вся наша сила в нас самих, что ни на одного из так называемых друзей и союзников нельзя нам положиться, что всякий из них готов на нас броситься в ту же минуту, как только заметит нашу слабость или ошибку. А мы все к ним льнем, все на них глядим, все от них хотим заимствовать — и не заботимся собирать свою собственную силу и готовить свои собственные средства**»¹.

Бурные события сумасшедшего XX века как будто ничего не изменили в России!..

---

¹ Письма К. П. Победоносцева к Александру III. Том 1. М., 1925. С. 56.